

Елена Райдос

ДВОЕ В ПУТИ

Записки Белого Лиса

16+

Елена Райдос

Двое в пути. Записки Белого Лиса

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63531656
SelfPub; 2021*

Аннотация

Что бы там ни говорили классики, но каждый из нас счастлив по-своему. Кому-то для счастья нужна власть, кому-то – богатство, кто-то находит счастье в любви, а прочим, напротив, требуется душевный покой. Но есть среди нас и те, для кого нет ничего дороже истины, а потому жизнь таких людей превращается в путь. Путь познания. Двум искателям истины повезло встретиться и понять, что судьба сделала им замечательный подарок – возможность разделить этот полный опасностей путь на двоих. Увы, владыкам кармы наплевать на наши планы, у них имеются собственные резоны для того, чтобы превратить нашу жизнь в незабываемое приключение. И двум товарищам пришлось расстаться на долгие годы. Но надолго вовсе не значит навсегда, не правда ли?

Содержание

Пролог	5
Тетрадь №1	18
30 сентября	32
1 октября	36
4 октября	43
5 октября	54
7 октября	68
8 октября	84
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Елена Райдос
Двое в пути. Записки
Белого Лиса

Выбирая меньшее из зол, мы всё равно выбираем зло.

Пролог

Берег был пустынный, издалека он чем-то напоминал ломтик швейцарского сыра. Чёрные камни на фоне белёсого песка совершенно теряли свой объём и казались большими, хаотично разбросанными дырками. Я вырубил мотор, лодка по инерции вползла на мелководе и застыла, уткнувшись килем в мокрый песок. После полутора часов, проведённых на жёсткой деревянной скамье, всё тело затекло, и колени никак не хотели разгибаться. Я кряхтя выбрался на твёрдую землю и с наслаждением растянулся на тёплом песке. Этот песочек имел удивительную консистенцию, он был мелкий и лёгкий, как мука, да и цветом тоже напоминал сей бакалейный продукт. Откуда на заброшенном северном островке взялся такой идеальный пляж? Словно кто-то специально свозил сюда белый песок из карьера. Забавное явление природы.

Вообще-то, получив гонорар за свою третью книгу, я запланировал вовсе не паломничество на этот богом забытый остров, а стандартную поездку к тёплому морю, куда-нибудь в Грецию или Италию. Но тут со мной начали твориться всяческие мистические несуразицы. Начать с того, что мой заграничник вдруг куда-то исчез, хотя я совершенно точно помнил, что положил его в ящик письменного стола после прошлой поездки. Оформлять новый паспорт мне было в лом,

да и свободного времени у меня было всего две недели, так что пришлось пересмотреть свои планы в пользу черноморского побережья. Но не тут-то было, оказалось, что с билетами на югá наблюдается форменная засада. Ну да, август – время отпусков, я понимаю, но не до такой же степени.

Негуманные цены на всё, включая самое скромное жильё, привели меня в некоторое уныние, но не подорвали моей решимости вырваться из душной Москвы любой ценой. Наверное, я бы так и грохнул на этот отпуск весь свой гонорар, если бы ни продолжение мистического сериала, в который стала превращаться моя жизнь. Для начала у меня перед глазами постоянно начало мелькать название «Спас». Да, слово не столь уж экзотичное, но всё же частота, с которой оно принялось попадаться на моём пути, была явно за гранью статистической вероятности. На второй день этой психической обработки я не выдержал и полез в сеть, чтобы посмотреть, что это за зверь такой. И оказалось, что, помимо прочего, так называется довольно большой незаселённый остров, расположенный в самой серёдке озера Воже, что в Вологодской области.

Что же это получается? Вместо Чёрного моря, судьба подталкивает меня отправиться на север? Ну нет, кормить комаров я не подписывался. Не для того я зарабатывал свои кровные в поте лица, чтобы жить в палатке и мокнуть под дождём. В общем, я злорадно ухмыльнулся и купил билет до Анапы. Ровно с того дня, словно в отместку за стропти-

вость, мне начали сниться странные и очень яркие сны. Каждую ночь я видел бескрайние холмы, поросшие густой высокой травой, сосновый бор над высоким обрывом, прозрачную синь озёрной воды, в которой отражались белые пушистые облака, плывущие по такому же синему небу. А ещё в этих снах был небольшой аккуратный сруб, красовавшийся среди молоденьких берёзок на высоком пологом холме. И этот пляж с чёрными камнями я тоже видел.

Сказать, что моё любопытство было задето, это, считай, вообще промолчать. Я прошерстил сеть в поисках какой-нибудь сакраментальной инфы про остров Спас, но ничего такого не обнаружил. Просто довольно большой необитаемый остров. Даже туристы туда заглядывали редко, поскольку переправа через озеро была довольно утомительной и небезопасной. Озеро Воже славилось на редкость коварным нравом, пересечь его даже на моторке представляло собой весьма рискованное мероприятие из-за внезапно налетавшего ветра, сильной волны и непредсказуемых течений, а уж байдарочникам там вообще делать было нечего. Конечно, всё равно находились безбашенные любители адреналина, которым смертоносные озёрные капризы были по кайфу. Так что, помимо природных красот, на Спасе также имелось небольшое кладбище, где покоились неудачники, чьи тела регулярно выбрасывало на берег осенними штормами.

Ещё пару дней я стоически игнорировал красочные сны про таинственный остров, а потом не выдержал и сдал би-

леты в Анапу. Нет, я вовсе не мазохист, обожающий, когда мной манипулируют, но пройти мимо столь откровенного призыва я не смог. А вдруг кому-то на острове нужна моя помощь? А я тут капризничаю, комары меня, видите ли, не устраивают. В общем, дальнейшие события развивались стремительно: дешёвые билеты аккурат на тот день, когда мне было нужно, попутки, которые останавливались буквально через минуту, стоило мне только поднять руку, дедок с моторкой прямо в том месте, где меня высадил приветливый водила и, конечно, безветренная солнечная погода ровно с того момента, когда я сошёл с поезда. Кто-то очень могущественный заботливо опекал меня аж до самого острова, а потом вдруг оставил в покое.

Я разбил лагерь в лесочке рядом с пляжем и с наслаждением отдался безделью. Никто меня не тревожил, даже комары вели себя прилично и послушно удирали от дыма костра. Я загорал на персональном пляжике, даже сподобился несколько раз искупаться в ледяной озёрной воде. В моём лесочке было полно грибов и черники, а в озере рыба только того и ждала, чтобы я забросил удочку. Так что на пару дней я с азартом погрузился в кулинарный разврат, а потом пришло осознание, что меня не для этого затащили на остров, чтобы я набрал лишних пяток килограммов. Настала пора прогуляться в поисках настырных хозяев и выяснить, чего им от меня нужно.

Для начала я отправился вдоль берега на север остро-

ва, там маячил очень симпатичный сосновый бор. Увы, на полпути к заветному лесу располагалось болото. Я сдуру влез в грязь по самые уши в надежде, что болото окажется небольшим, но здорово просчитался. Попытка обойти мерзкую топь тоже не увенчалась успехом, болото на поверку оказалось чем-то вроде болотистого ручья, делившего остров на две неравные половины. Да, мне в конце концов удалось переправиться на противоположную сторону, но к тому времени солнце начало клониться к закату, и до вожаемого соснового бора я так и не добрался. Пришлось возвращаться, чтобы не лазить по грязи в темноте.

В ту ночь спал я плохо, всё тело чесалось от комариных укусов, да и облом с исследовательским порывом не способствовал душевному равновесию. Я был откровенно зол на хозяев этого места, коварно заманивших меня в грязевую ловушку. И ради чего, собственно, я тащился на край света? Чтобы вымазаться с головы до ног и заработать чесотку? Что за издевательства? Почему нельзя было конкретно показать мне, где этих хозяев искать? Что ж, моя жалоба была услышана. Наутро я точно знал, куда идти, потому что всю ночь мне снилась та самая бревенчатая хижина на холме среди берёзок.

Если честно, я это архитектурное сооружение заметил ещё на подходе к Спасу. Домик располагался недалеко от южной оконечности острова и высился над окружающим ландшафтом, как маяк. Я даже, помнится, подумал, не под-

плыть ли мне прямо к хозяйской постройке, но потом увидел мой пляжик и направил лодку сюда. Как же мне всё-таки повезло, что тяга к комфорту оказалась сильнее любопытства. Когда на следующий день я добрался до южного мыса, то от открывшейся панорамы меня бросило в дрожь. Южная оконечность острова представляла из себя одну сплошную скалу высотой примерно с пятиэтажку.

Уже на подходе к мысу я уловил странный рваный ритм глухих ударов, похожих на раскаты грома. Удары доносились снизу, от воды. Заинтригованный, я осторожно заглянув за край обрыва и получил сомнительное удовольствие лицезреть, как чёрные озёрные волны со всей дури впечатываются в практически вертикальную скалу и с грохотом разбиваются о мокрый камень. Каждый раз, когда очередная волна откатывала от берега, из воды появлялись острые клыки подводных рифов, похожих на гнилые зубы какого-нибудь доисторического чудовища. В целом, прибрежная зона очень сильно напоминала кипящий котёл, ключья пены и брызги летели во все стороны. Представляю, что бы стало с моей моторкой, если бы меня ненароком затащило в этот ад.

Зрелище, однако, было завораживающим, зависнув на краю обрыва, я размечтался и совсем забыл об осторожности. Внезапно очередной порыв ветра подхватил облако водяных брызг и швырнул их в беспечного наблюдателя. Что уж говорить, душ оказался довольно бодрящим и очень некстати промочил меня до нитки. Несмотря на тёплую по-

году, мне сразу сделалось зябко, поскольку на мысу постоянно дул сильный ветер, быстро превративший мою мокрую одежду в охлаждающий компресс. Настроение сразу испортилось, моя тяга к приключениям изрядно ослабла, захотелось назад к палатке, где меня ждали сухая одежда и горячий чай.

Впрочем, обсохнуть можно было и в доме на холме. Надеюсь, хозяева не откажут пострадавшему туристу, которого они же и притащили в этот неласковый край. Отойдя от края скалы, я бросил вопросительный взгляд в сторону хозяйского сруба. С такого расстояния разглядеть детали было невозможно, но мне отчего-то показалось, что из тёмных провалов окон за мной кто-то наблюдает. Намерение отправиться в дом, чтобы согреться и обсохнуть, тут же растаяло без следа. Ну не выглядело это место приветливым и безопасным, и всё тут.

— Что я, в самом деле, тащусь в западню, как бычок на верёвочке,— возмутился кто-то рассудительный в моей голове,— в конце концов, я в спасатели не нанимался.

Гордо подняв голову, я отправился вдоль восточного берега острова с видом безразличного зеваки, огибая подозрительный дом по большой дуге. Не то чтобы я так уж боялся, что меня там ждут неприятности, просто надоело, что мной командуют. Если хозяевам так уж нужна моя помощь, пусть сами выйдут из укрытия. Вот примерно так я рассуждал, удаляясь от странного строения. Последовавшие за этим

самонадеянным демаршем события быстро доказали несостоятельность моих претензий. Не успел я отойти от дома на какие-то жалкие пятьсот метров, как солнце словно выключили. Большая лохматая туча стремительно выползла из-за верхушек далёких сосен и, не теряя времени, направилась прямёхонько ко мне. Сверкнула синяя молния, разрубая небо над островом на две половинки, и далёкий пока раскат грома возвестил упрямцу о его незавидной участи.

Никаких деревьев, кроме тех, что окружали дом, на юге острова не наблюдалось, спрятаться от ливня можно было только в самом доме. Я ещё немного поворчал и, скрепя сердце, полез на холм. Туча приближалась с неумолимостью курьерского поезда и примерно с такой же скоростью. Вскоре первые редкие капли уже заклацали по каменистой тропинке, придавая ускорения замешкавшемуся любителю мистики. Самым удивительным было то, что туча, хоть и заволокла всё небо над островом, но была абсолютно одинокой, над остальной частью озера по-прежнему сияло солнце.

– Могли бы и просто позвать, – пробурчал я себе под нос, вламываясь в незапертую дверь деревянного сруба, – к чему такие страсти?

Не знаю, чего я ожидал увидеть внутри, может быть, раненого волхва, оголодавшего кощея или какую-нибудь бабу Ягу, сломавшую свою метлу, но дом был пуст и не просто пуст, а заброшен, причём давно. На полу и немудрёной мебели лежал толстый слой пыли, окна были частично разбиты

и затянуты паутиной, а в самодельной печке не осталось даже золы. Такого разочарования я давненько не испытывал, было очевидно, что меня тут вовсе не ждали с распростёртыми объятьями. Может быть, я просто всё это себе напридумывал? С чего я взял, что кто-то управлял моими действиями? Только из-за странных навязчивых снов? Как-то маловато доказательств моей исключительности.

Пока я с недоумением разглядывал убогую обстановку хижины, ливень накрыл моё непрезентабельное убежище и зашуршал своими мокрыми пальцами по крыше. К счастью, строение всё ещё было довольно крепким, и крыша выдержала удар стихии, по крайней мере, пока. Я прикинул, что дождь не будет особо долгим, одна-единственная туча быстро растратит свой заряд и уберётся восвояси. Ага, святая наивность. Не для того меня заманивали в эту ловушку, чтобы так просто выпустить. Туча прочно обосновалась над домом, словно её тут припарковали на постоянную стоянку. Через четверть часа бесплодных ожиданий, я понял, что застрял надолго и принялся обследовать помещение на предмет чего-нибудь полезного для вынужденной ночёвки.

Я где-то читал о том, что охотники и путешественники обычно оставляют часть своих припасов в приютившем их жилище для тех, кто придёт сюда после них. Так что мои надежды разжиться съестным были вполне обоснованы. И всё же я никак не ожидал наткнуться на полноценный запас всего необходимого: дров, спичек, еды. А ещё там была жестя-

ная кастрюлька и пара свечей. Дрова были аккуратно сложены на верстачке возле печки, спички и свечи обёрнуты в вощёную бумагу, а соль, пачка макарон и пакетик с чаем заперты в металлический ящик, видимо, от мышей. Вот это я понимаю, сервис пять звёзд.

Настроение немного улучшилось, я набрал в кастрюльку дождевой воды и принялся разводить огонь. Спички были сухие, а вот дрова здорово отсырели и никак не желали разгораться. Я принялся шарить по полкам в поисках материала для розжига: огрызка бересты или обрывка бумаги. Вот тогда я и наткнулся на ту жестяную коробку. Она была поменьше, чем ёмкость для макарон, поэтому я решил, что в ней может храниться что-нибудь сладенькое, например, сахар или даже конфеты. В предвкушении десерта я открыл притёртую крышку и разочарованно вздохнул. В коробке находились только четыре толстые изрядно потрёпанные тетрадки. Впрочем, бумага была сейчас как нельзя кстати, поэтому я выудил первую тетрадку и раскрыл её, чтобы вырвать несколько страниц для растопки.

Тетрадка была исписана мелким, но вполне разборчивым почерком, местами текст разбавляли довольно забавные рисунки. Я пролистал тетрадь до конца, а потом оставшиеся три и всё-таки обнаружил несколько чистых листочков в конце четвёртой тетрадки. Покушаться на исписанные листки мне почему-то даже в голову не пришло. Вскоре в печке уже весело потрескивали дрова, а макароны аппетитно буль-

кали в дождевой водичке. Что ж, причина моего мистического путешествия и беспардонного заточения начала проясняться. Увидев эти тетрадки, я сразу понял, что это именно из-за них меня сюда притащили, однако приниматься за чтение не спешил. Только насытившись и залив макароны изрядной дозой чёрного чая, я зажёл свечу и уселся за стол читать. Вообще-то, я надеялся, что, удостоверившись в моей покладистости, хозяин этого места выпустит меня из плена, но он оказался хитрее. Дождь продолжал поливать мою комфортабельную тюрьму с неистовством берсерка, и я смирился с неизбежной ночёвкой в заброшенном доме.

В помещении имелась одна единственная кровать. Название, разумеется, условное, скорее, это был низенький дощатый топчан, покрытый, вместо матраса, тюфяком с прелым сеном. Ложиться на это сомнительной свежести ложе мне не хотелось, хоть режь, поэтому я уговорил себя провести бессонную ночь за чтением рукописи, раз уж альтернативных развлечений этот пятизвёздочный отель не предоставил. Поначалу я отнёсся к принудительному чтению как к неизбежному злу, но повествование быстро меня захватило. Когда я оторвался от второй тетрадки, за окном уже начало светать. Дождь давно прекратился, было свежо и ясно. На ветку берёзы под окном уселась какая-то неугомонная пичуга и принялась оглашать округу громким радостным щебетанием. Эдакий гимн восходящему солнцу.

Я аккуратно запаковал коробку с тетрадками в рюкзак,

прибрался и вышел из приютившего меня дома. Моя злость на наглого манипулятора, заманившего меня в ловушку, испарилась вместе с непогодой. Я даже подумал, а не переселиться ли мне с пляжа на этот холм, было в нём что-то загадочное и притягательное. Но мои благие намерения быстро испарились, когда я увидел свежую могилу с тыльной стороны сруба. Уж не этот ли покойник заманил меня сюда? Нет, жить рядом с мёртвым колдуном мне совсем не улыбалось, хоть он и не желал мне зла, судя по всему. Как говорится, бережёного бог бережёт.

Я не сразу решился опубликовать эти записи, уж больно необычным, если не сказать, шокирующим было их содержание. Не хотелось прослыть пустым фантазёром. Потом мне захотелось переработать повествование неизвестного автора во что-то вроде фантастического романа, но вмешались соображения писательской этики. Да и стрёмно было вот так беспардонно распорядиться наследством, полученным столь необычным путём. И всё же мне потребовалось ещё раз оказаться на острове, чтобы решиться на эту публикацию. Только тогда до меня дошёл смысл всего, что со мной произошло, и эта книга появилась на свет.

Не буду притворяться, что совсем не тронул текст, однако правки были минимальные. Я лишь немного подправил стилистику, чтобы превратить личный дневник в связное повествование. Так что моё авторство можно считать весьма условным. К сожалению, мне неизвестно полное имя истин-

ного автора этих записок, знаю только, что напарник по зимовке называл его милым смешным прозвищем. Так что не удивляйтесь, что моим соавтором является... Белый Лис.

Тетрадь №1

28 сентября

Вчера я родился во второй раз, потому что тот, кто управляет человеческими судьбами, вынес мне смертный приговор. Надо сказать, что приговор был справедливым, моя феноменальная глупость и столь же феноменальная самонадеянность ничего другого не заслуживали. И всё-таки я каким-то образом выжил, должно быть, попал под амнистию. Хотя, скорее, это была вовсе не амнистия, просто казнь заменили на тюремное заключение. Эта убогая конура, в которой мне придётся провести неизвестно сколько времени, нисколько не лучше тюремной камеры. Спасибо, что здесь нашлись хотя бы бумага и ручка, а то я уже начал сожалеть о том, что не утонул в проклятом озере. Ну да ладно, опишу свои злключения подробно, всё равно заняться нечем.

Эта история началась две недели назад, когда совершенно внезапно и без признаков какого-либо заболевания умерла моя мама. Она просто не проснулась утром, хотя до этого ни на что не жаловалась. В анамнезе указали остановку дыхания. Думаю, они там не особо заморачивались с исследованиями, всё-таки маме было уже почти семьдесят, для российской статистики возраст смерти вполне подходящий. Никого из маминых знакомых её внезапная кончина не удивила

и даже не особо расстроила, а вот я оказался к этому совершенно не готов. Если бы она болела, я бы, наверное, успел как-то подготовиться к трагическому событию, принять его неизбежность. Хотя, о чём я тут сетую? Мама ушла легко, без боли и страданий. Всем бы нам такого конца.

Впрочем, это я сейчас настроился на философский лад, когда сам едва ни отправился вслед за мамой, а тогда для меня это был очень тяжёлый удар. Признаю, в те дни находиться со мной в одной компании было не самым приятным время препровождением, но ведь можно было понять, что у человека случилось горе. А она не поняла или просто не захотела принять во внимание обстоятельства. Она – это Маринка, с которой мы жили вроде бы душа в душу целый год. Но стоило мне приуныть, как она быстренько слиняла. А уходя, ещё и разоткровенничалась, словно ей вкололи сыворотку правды.

Если честно, я бы, наверное, предпочёл не знать всей этой мерзости. Пусть бы наше расставание выглядело как тривиальное «не сошлись характерами». Но не срослось, моя бывшая выпотрошила всю свою корзину с грязным бельём, включая тот факт, что уже целый месяц, оказывается, крутила за моей спиной шашни с моим же начальником. Мало ей оказалось ведущего конструктора, подавай директора департамента. Так, стоп, это я уже начинаю злобствовать. В конце концов, мы провели вместе замечательный год, жаловаться не на что.

Эх, эти бы золотые слова, да мне в уши две недели назад. Жаль, некому было меня тормознуть, не обзавёлся за тридцать лет настоящими друзьями. Да что я всё хожу вокруг да около? Стыдно признаться, какого придурка я из себя строил? Да, стыдно, но придётся. Каяться, так каяться. В общем, ворвался я к начальничку прямо в кабинет, да ещё при посетителях и вмазал ему по самодовольной физиономии от души. Должно быть, мне тогда действительно полегчало, потому что я даже не особо расстроился, когда пострадавший уволил меня с волчьим билетом. Впрочем, эйфория длилась недолго, уже через пару дней я осознал, что натворил.

Ну не стоила эта длинноногая коза того, чтобы из-за неё терять интересную и хорошо оплачиваемую работу. Да, она честно выполняла свою часть нашей недо-матримониальной сделки, я её очень ценил и баловал как любимую зверушку. Но таких Марин, живущих за счёт своих мужиков, которые впахивают от зари до зари, хоть пруд пруди. Не было между нами любви, и даже сильной привязанности не было, просто взаимовыгодный контракт. Но мне с ней было очень комфортно, это правда. Увы, в тот момент, когда я отправился бить морду начальнику, все эти здравые рассуждения отчего-то испарились из моей дурной башки. Вместо этого, там пышным цветом расцвело задетое мужское самолюбие и детская обида на то, что меня, такого умного и красивого, развели как пацана. Что ж, поделом.

Если бы, получив расчёт, я тупо принялся искать дру-

гую, пусть менее прибыльную работу, то ничего страшного не случилось бы. Но тут со мной злую шутку сыграли именно деньги. Их оказалось слишком много, контора не стала жмотничать и расплатилась за мои труды даже щедрее, чем я того заслуживал. Я вообще подозреваю, и не беспочвенно, что всеми моими действиями в то время руководил какой-то злобный бес. Или это была судьба? А, пофиг. Так вот, полученная сумма была настолько внушительной, что я мог бы припеваючи жить на эти деньги не один месяц. Ну я и решил, что это был такой подарок судьбы, типа, долгожданная возможность оторваться по полной.

Вот я и оторвался. Ткнул пальцем в карту и отправился доказывать себе, что я – настоящий крутой мужик, а эта стерва ещё пожалеет, что связалась с интеллигентским хлюпиком в галстук. Просто детский сад, штаны на лямках. Засада состояла в том, что мой палец угодил аккурат в один маленький остров посреди озера где-то в Вологодской области. Озеро называлось неаппетитно – Воже, словно это был прозрачный намёк на ту кучу навоза, в которую я вступил по собственной дури. А вот название острова мне сразу понравилось – Спас. Ассоциация со спасением, по-моему, довольно однозначная. А у меня тогда как раз было такое странное чувство, будто я заблудился в дремучем лесу, как маленький мальчик, и мне позарез нужен кто-то из взрослых, чтобы вывести меня из чащи. И с чего я решил, что для того, чтобы спастись, мне обязательно требуется рискнуть своей

жизнью? Странно, правда?

Про риск – это я, кстати, вовсе не фигурально выразился. На северах в конце сентября уже запросто могли быть заморозки. Нет, озеро, конечно, пока не успело замёрзнуть, но на тёплую безветренную погоду рассчитывать не стоило. И действительность полностью оправдала мои ожидания. Пронизывающий ветер с дождём, грязища по колено и днём не выше пяти градусов. Про ночь я уже молчу. Мой теплолюбивый лексус едва ни засел по брюхо посреди посёлка, но бог миловал, один местный мужичок помог его вытолкать. В качестве благодарности я припарковал свой бестолковый транспорт, разумеется, за деньги, во дворе вышеупомянутого мужичка, которого, кстати, звали Акимом. Прикольное имечко. Аким и помог мне оттащить байдарку к озеру.

Да, не смейтесь, я решил пересечь озеро на байдарке. Вообще-то, как только я увидел эти серые, почти морские волны, плавать мне резко расхотелось. Наверное, если бы я сам себя ни накрутил, то как минимум подумал бы о возможности заменить байдарку на местную моторную лодку. Тот же Аким довольно прозрачно мне намекал, что за небольшую добавку к сумме за парковку моего авто он готов одолжить свою моторку с почти новым движком. Но нет, я же специально купил новую байдарку и самолично сшил для неё фартук и прочую непромокаемую амуницию. Что же теперь, наплевать на затраченные усилия и деньги? Нет, так крутые мужики не поступают.

Пока я собирал байдарку, вокруг собралась приличная толпа зевак. Бабы охали и крестили мне спину, а мужики откровенно крутили пальцем у виска и обсуждали, как далеко уплывёт этот клоун, и кому из них придётся выуживать его из воды. Но меня уже было не остановить. Вообще-то, я довольно опытный байдарочник, правда, в основном сплавлялся по горным рекам, но и по Белому морю ходить приходилось, а там волны были ничуть не меньше. Байдарка у меня была новая, за надёжность стрингеров я не опасался. Ну накроет меня волной, и что? Фартук не даст воде проникнуть внутрь. А уж избежать переворота я как-нибудь смогу, слава богу, на Архызе в прошлом году даже ни разу не кильнулся.

Надо сказать, отчалил я вполне грамотно, народ за спиной только разочарованно заверещал, видимо, зрители рассчитывали на более интересное зрелище. Да и волна оказалась не такой уж страшной, зато ветер был действительно убойный, уже через полчаса у меня так слезились глаза, что я почти ничего не видел. Не допёр прихватить защитные очки, матёрый профи. А ведь если бы ни проблемы со зрением, возможно, и не случилось бы то, что случилось. Хотя нет, зрение тут ни при чём, меня словно кто-то тащил на верёвке в эту ловушку. Скажете, бред? Возможно, но уж больно всё сложилось одно к одному, чтобы меня угробить.

Через полтора часа хода я уже мог разглядеть смутные очертания острова. Выяснилось, что из-за волн и ветра я немного отклонился от маршрута. Пришлось взять правее

и идти галсами, чтобы байдарка не поворачивалась к волнам лагом. Я так увлёкся маневрированием, что не заметил, как на озеро опустился туман. Нет, назвать эту серую комковатую вату туманом, пожалуй, было бы слишком оптимистично. Вскоре я не мог разглядеть не то что остров, а даже нос байдарки. Думаете, мой боевой задор иссяк, и начал проклёвываться инстинкт самосохранения? Ничуть, мне это приключение даже показалось забавным. Я же турист запасливый, у меня на такой случай планшет имеется, причём в непромокаемом чехле.

Сети над озером, понятное дело, не было, воспользоваться навигатором было невозможно, зато у меня было установлено приложение с компасом. Разумеется, о точности речь не шла, но мне особая точность и не требовалась, главное, не промахнуться мимо острова. Тут я особо не переживал, это же совсем не маленький клочок суши, остров занимает всю центральную часть озера, даже слепой не проплывёт мимо. И всё-таки я почти промахнулся, уткнулся в самый южный кончик Спаса. Вот теперь жалею, что не взял ещё чуть правее. Поплавал бы тогда часика два-три, да и причалил бы куда-нибудь. Но нет, тот, кто вёл меня прямоком в ловушку, такого расклада в своих планах не предусмотрел.

Остров я сначала не увидел, а услышал. Шипение волн, накатывающих на берег, показалось мне райской музыкой, даже не насторожило то, что шипение сопровождалось нехилыми ударами. Эдакий рваный ритм шаманского бубна. К

тому времени я уже довольно сильно подустал грести, но тут в меня словно кто-то влил эликсир бодрости, байдарка по-неслась вперёд как на крыльях. Слишком поздно я понял, что это было просто сильное течение. Когда в разрывах тумана мелькнули чёрные мокрые скалы, было уже слишком поздно сворачивать. Но я всё-таки каким-то магическим образом умудрился развернуть нос байдарки и налёг на весло как раб на галере, чья жизнь зависит от его усердия. Это была вовсе не метафора, если бы меня садануло волной об эти скалы, то на том моё приключение и закончилось бы. Впрочем, так, возможно, было бы даже лучше. То, что случилось дальше, больше походило на фильм ужасов.

Я почти выгреб против течения и волн, по крайней мере, байдарку снесло вдоль берега немного влево, где скала уже была ниже, и можно было надеяться, что дальше берег сделается совсем пологим. Да только рановато я расслабился. В тот момент, когда я уже было решил, что вышел сухим из воды, раздался мерзкий хруст, и байдарка начала наполняться водой. Я не сразу понял, на что меня угораздило напороться, а то бы, наверное, сразу бросился вплавь. Может быть, тогда и вывернулся бы из ловушки. Но я промедлил и позволил волнам утащить меня на мелководье. И только тогда это увидел.

Всё дно в том месте состояло из торчащих словно зубы дракона острых скал. Волна скрывала их практически целиком, а отходя, обнажала до половины, словно специально,

чтобы напугать меня ещё больше. Плавать в этом кипящем котле мне совсем не улыбалось, но делать было нечего, острый скальный шип пропорол днище байдарки, и моя лодочка стала быстро тонуть. Выбраться в этом месте на берег не смог бы даже альпинист с ледорубом, скала была абсолютно гладкой. Ясно, что плыть нужно было на глубину, а там уж высматривать пологий берег. Водичка, я вам скажу, оказалась бодрящей, аж дыхание перехватило, но в тот момент мне было не до того. Течение в купе с волной тащило меня на скалы с крейсерской скоростью, и вырваться из захвата было просто нереально.

К счастью, мне удалось зацепиться за один скальный зуб и даже немного ослабить веслом удар о твёрдую поверхность камня. Сколько я там провисел, зацепившись скрюченными конечностями за жалкий обломок скалы и пытаюсь не дать очередной волне оторвать меня от спасительного якоря? Сейчас уже точно не скажу. Помню только, что замёрз практически до смерти. Положение было отчаянное, мне было никак не выгрести против течения, но позволить волнам вытащить меня на мелководье означало неминуемую смерть, там был настоящий ад. Я даже старался не смотреть в ту сторону, чтобы не запаниковать окончательно. Хотя, кому я вру? Испугался я не по-детски. Утонуть в десятке метров от берега, что может быть хуже?

Ладно, хватит нагнетать. В общем, догадался я, как нужно действовать, всё-таки предыдущий сплавной опыт приго-

дился. Правда, к тому времени я уже успел продрогнуть так, что тела своего совсем не чувствовал. План был такой: дожидаться, пока меня накроет очередной волной, оттолкнуться от скалы, поднырнуть поглубже и плыть вдоль острова, немного забирая от берега так, чтобы вынырнуть уже в относительной безопасности. Обычно, береговое течение бывает поверхностным, с глубиной оно должно ослабевать. Предположение, конечно, было притянuto за уши, но другого варианта я всё равно не видел, а дожидаться, пока мои пальцы от холода и усталости сами разожмутся, представлялось уж совсем идиотизмом.

И всё-таки решился я не сразу, уж больно всё это смахивало на голимую авантюру, даже сподобился поорать, типа, позвать на помощь. Интересно, и как я себе представлял действия спасателя в данной ситуации? Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолёте? По-другому соскresti меня со скалы было, наверное, нереально. Стыдобища. Спасибо ещё не разрыдался от страха. Всё, довольно рефлексий, я же в конце концов всё-таки решился. И самое удивительное, что мне удалось-таки отплыть на относительно безопасное расстояние от берега. Течения тут практически не чувствовалось, и можно было не бояться, что меня расплющит о скалы. Я перевёл дух и развернулся в сторону острова, чтобы понять, куда грести. Даже уже начал подумывать, как бы мне выудить своё барахлишко. Но это я явно поторопился, не учёл всего коварства злодейки-судьбы.

Как-то раз мне попался в руки один фантастический рассказик, где была такая пафосная фраза: «и он увидел свою смерть». Так вот, я её увидел, вернее, его. Всё моё внимание тогда было обращено на берег, я не ждал подвоха со стороны озера, и всё-таки словно бы что-то почувствовал и уже начал оборачиваться, когда это здоровенное бревно со всей дури шарахнуло меня в висок. Вот, собственно, и всё, что я помню. Очнулся уже в доме, голышом под одеялом, голова раскалывается, тошнит, перед глазами всё плывёт. Я даже не сразу сообразил, что нахожусь уже на твёрдой земле, так меня тогда штормило.

Да, сотрясение получилось знатное, но это уже в прошлом. Мой спаситель сварганил мне какое-то горькое и противное питьё, и я от него оклемался практически за одну ночь. Так вот, насчёт спасителя. Лежу я, значит, в полу-отключке и вижу, как надо мной склоняется незнакомый бородатый мужик с чёрными колючими глазами и носом, похожим на клюв хищной птицы. В первый момент я даже принял его за галлюцинацию, настолько это колоритный тип. Он тогда показался мне старым, но позже, когда я разглядел его получше, эта иллюзия развеялась как дым. Поджарый, жилистый, движения стремительные, но как бы плавные, словно он перетекает с места на место, подобно воде. Да и седина у него присутствует только в бороде, а волосы на голове чем-то напоминают каракулевую шапку, чёрные и кучерявые.

Определить возраст моего спасителя мне не удалось, му-

жику запросто можно дать и сорок и все шестьдесят, но точно не больше. Зовут его, как выяснилось, Макар. Тоже не часто встречающееся имя, раньше оно мне попадалось только в книжках. Наше первое знакомство заслуживает отдельного рассказа. Увидел Макар, значит, что я открыл глаза, и его лицо буквально засветилось, как будто он выудил из озера не чужого мужика, а любимого племянника.

– Ну здравствуй, Белый Лис, – радостно заявляет мой спаситель.

Я от такого поворота, понятно, немного обалдел.

– Почему Лис? – спрашиваю.

Вроде бы ничего крамольного не сказал, но всю радость мужика словно стёрли тряпкой с меловой доски, глаза потухли, улыбка превратилась в жалобную гримасу. Смотрит он на меня, как на убогого, словно задать такой вопрос мог только полный debil, и молчит. Я даже подумал, что со мной что-то серьёзно не так, insult, к примеру, или паралич. Но мужик встrepенулcя и снова заулыбалcя, только уже без прежней радости.

– Хитрый ты, – отвечает, – обманул смерть. Лис и есть.

– А почему Белый? – его объяснение меня как-то не убедило.

– Сам узнаешь, – буркнул дядя и удалился.

Я тогда подумал, что он обиделся. Мужик ведь, судя по всему, мне жизнь спас, а я к нему лезу с глупыми вопросами. Невежливо. Ну я выждал, пока он снова появится рядом, и

так задушевно принялся его благодарить.

– Как же Вам удалось меня вытащить? – спрашиваю, вроде как восхищён его мужеством.

Думал, ему будет приятно, но не тут-то было, вместо того, чтобы растаять от моей лести, мужик встаёт в позу и начинает демонстративно оглядываться, как бы в поисках кого-то ещё. Ну ясно, слышал я, что на северах не принято обращаться на Вы, но мне как-то неловко было тыкать человеку, который вдвое меня старше. В общем, я смутился, а этот хитрец ехидно так мне подмигивает и вещает, мол, кто другой на его месте мог бы мне и морду набить за такое отношение. Оказывается, местные воспринимают обращение на Вы как намёк на то, что в данном теле находятся два сознания, а это возможно либо при шизофрении, либо ещё круче, когда в тело вселяется какая-то сущность, вроде беса. К счастью, Макар оказался мужиком продвинутым в плане городских устоев и не обиделся.

Мы ещё немного потрепались, в основном, на тему моего неудачного плаванья, и я заснул. А на утро уже чувствовал себя вполне нормально, даже выполз к озеру умыться, там, кстати, был вполне удобный пологий спуск. И вот тут меня ждал новый сюрприз, даже два. Около самодельного деревянного причала болтались обломки моей байдарки, причём непромокаемые мешки всё ещё были надёжно принайтованы к бортам. Ура! Теперь одеждой и личными вещами я обеспечен. Радостно плюхнувшись на коленки, я наклонился к

воде, чтобы закрепить байдарку, пока её не унесло течением, да так и застыл. Сразу стало понятно, почему Макар назвал меня БЕЛЫМ Лисом. Прямо от затылка ко лбу шла широкая прядь седых волос. Моё отчаянное купание в ледяной воде не прошло даром.

30 сентября

Знаете, что такое полный облом? Я тоже думал, что знаю, но ошибся. Всё, что случилось со мной раньше, всё это кошмарное плавание – это, оказывается, была лишь прелюдия, а оргазм ждал меня впереди. Когда я обнаружил своё барахло в обломках байдарки, то сразу почувствовал себя хозяином положения. У меня всегда с собой в запасе ремнабор, так что превратить эту искореженную кучу алюминия и пластика в относительно надёжное плавсредство можно было без особого напряжения, за пару дней я бы точно управился. Оставался, правда, вопрос с веслом, но вполне возможно, что его тоже выкинуло куда-то на берег, оно ж не тонет. Во всяком случае, поискать стоило. Я даже обрадовался, что у меня появилось интересное и полезное занятие... пока не вытащил байдарку на берег.

Наверное, я тогда представлял собой прямо-таки воплощение безнадёги и отчаянья. У байдарки отсутствовала носовая часть. Нет, не просто каркас, а полностью, вместе с обшивкой. Вот тебе и надёжная новая байдарка. Это ж какой силы должен быть прибой у тех скал, чтобы порвать в клочья прочный пластик? Похоже, остальная часть байдарки сохранилась одним куском только благодаря весу моих шмоток и ремням, которые их удерживали. Я представил себе, во что могло превратиться моё тело, если б меня таки выкинуло на

скалы, и похолодел. Не хотелось бы вот так найти свой конец, чтобы потом вдобавок кто-то наткнулся на мой изуродованный труп. Б-р-р.

Пока я кудахтал над своим барахлом, Макар сидел на холме у дома и наблюдал за мной с равнодушием и печалью в глазах. Эдакий сфинкс, безразличный к мирским заботам. Должно быть, островному отшельнику мои фрустрации показались мелкими детскими капризами. А вот для меня потеря байдарки означала, что, вместо запланированного релакса на фоне романтических пейзажей Спаса, мне придётся носиться по острову в поисках туристов, готовых отвезти меня на материк. Увы, как скоро выяснилось, перспектива забега по пересечённой местности была просто слюнявой розовой мечтой. Не было сейчас на Спаса никаких туристов и быть не могло. Они сюда только летом наведываются, да и то нечасто. Уж больно щедрым на смертельные сюрпризы оказалось это озеро с ассенизаторским названием Воже.

Можно было бы предположить, что у человека, живущего на необитаемом острове, просто по определению должна иметься лодка. Это я про Макара. Так нет, лодки не имелось, вернее, она была, но он её угробил, когда меня спасал. Обломки его деревянного корыта, кстати, тоже прибило к нашему причалу, только я поначалу на них внимания не обратил, занятый своей ненаглядной байдаркой. А ведь человек пожертвовал своей единственной возможностью связи с большой землёй, чтобы выловить из воды какого-то безба-

шенного туриста. Мне даже сделалось не по себе от его бескорыстия. Хотел даже денег предложить на новую лодку, но вовремя одумался. Разве деньгами оплатишь спасение жизни?

Удивительно, но самого отшельника потеря лодки совершенно не встревожила. А что? На материк он возвращаться не собирается, ловить рыбу с лодки в осенние шторма себе дороже, тем более, что с берега она ловится ничуть не хуже. Так чего переживать по пустякам? Над моими стенаниями Макар просто посмеялся, но вовсе не злорадно, а с некоторым даже сочувствием. Только я так и не понял, что именно вызвало его сочувствие, сам факт того, что мне вынужденно придётся составить ему компанию на зимовке, или моё подавленное состояние. Кажется, второе.

А расстраиваться было от чего. Мало того, что я оказался заперт на маленьком клочке суши, так в добавок ещё напроць лишился средств связи с друзьями и знакомыми. На Спасе нет электричества, и не ловит сеть телефон. Всё, полная изоляция. Давно ли вам доводилось провести пару дней без общения со своими знакомыми? И что вы при этом почувствовали? Голод, жуткий сосущий голод по возможности просто перекинуться парой слов, узнать последние новости, посмотреть выложенные приятелями посты и фотки. А у меня впереди почти год вынужденного голодания, не скажу, что лечебного. Поневоле завоеешь от безысходности.

Макар, похоже, отлично понял, что я сейчас чувствую, но

не бросился меня утешать. Впрочем, издеваться над фрустрациями обломавшегося городского жителя он тоже не стал, просто дал мне время осознать своё положение и смириться. А знаете, я ему за такую чуткость даже благодарен, правильный он мужик, понимающий. Это мне ещё здорово повезло, что в сокамерники мне достался именно такой человек. А ведь всё могло сложиться гораздо хуже, например, это мог быть какой-нибудь дезертир или бандит, сбежавший от правосудия, а то и просто опустившийся пьяница или наркоша. А кстати, кто он такой, этот странный Макар?

1 октября

Мой хозяин начал понемногу раскрываться. Вчера после ужина у нас состоялся весьма занимательный разговор. Прямо скажем, ничего подобного от дикого отшельника я не ожидал. Думал, что это я такой грамотный и рассудительный, а оказалось, что мои рассуждения годятся только на то, чтобы ими обывателям мозги запудривать. Ладно, не буду забегать вперёд, судите сами. Началось всё с того, что я поинтересовался причиной добровольного ухода Макара от общества и предположил, что это он так протестует против варварского обращения с природой. Первой реакцией моего визави был громкий издевательский смех. Я даже немного обиделся.

– Лис, так ты у нас, оказывается, борец за экологию? – Макар даже не попытался скрыть своё презрение к этому бессмысленному, по его мнению, занятию.

– А что плохого в том, что у нас на планете будут чистые леса и озёра? Не плавали бы тогда у берега бесхозные брёвна, – я невольно потёр всё ещё болевшую шишку на голове.

– И за чей же счёт ты планируешь устроить тут у нас рай? – поинтересовался оппортунист от экологии. – Уж не за счёт ли всех жителей этой самой планеты?

– Да, всем придётся снизить своё потребление, планета не резиновая, – помнится я тогда даже вознамерился прочи-

тать лекцию этому дикому варвару, но не срослось. Теперь думаю, что это была большая удача, не успел выставить себя слабоумным придурком.

– А тебя не удивляет, что главными экологическими борцами являются как раз самые богатые люди нашего мира? – Макар произнёс свой вопрос с эдакой издевательской улыбочкой, от которой мне захотелось швырнуть в него что-нибудь тяжёлое и желательно острое. Слава богу, я сдержался и просто пожал плечами. – А ведь они потребляют гораздо больше обычных людей, причём даже не в разы, а на порядки. Все их поместья, которые нужно освещать, отапливать или охлаждать, целый парк лимузинов и спорткаров, которые жрут топливо, как трактора, личные самолёты и океанские яхты. Да мало ли ещё чего. Жратвой, которую они выбрасывают за ненадобностью после своих роскошных приёмов, можно было бы накормить небольшой город.

Я уже понял, куда он клонит, но не стал останавливать его праведный порыв, пусть выскажется. Мне и раньше приходилось сталкиваться с людьми, которые были не в силах заработать себе на комфортную жизнь, а потому постоянно лили грязь на тех, кому это удалось. Доказывать что-то таким революционерам было совершенно бессмысленно, проще их игнорировать и не давить на большую мозоль. Я уже начал подыскивать какую-нибудь более нейтральную тему, но Макар меня обломал.

– Знаешь, Лис, я не против богачей, – задумчиво произ-

нёс мой мудрый собеседник,— просто ненавижу врунов. Я бы даже поверил в их искреннюю любовь к природе, если бы эти зажавшиеся моралисты хоть раз применили свои теории к себе любимым, например, раздали бы свои особняки детским домам, отказались от персональных джетов и яхт и пересели с лимузинов на велосипеды. Вот тогда это было бы по-честному. А так вся их возня — это просто манипуляция толпой, которую они воспринимают не иначе, как ресурс для обеспечения своего комфорта.

— Но они же жертвуют деньги на экологию,— моё возражение, нужно признать, прозвучало неубедительно, я чувствовал правоту оппонента, но сразу сдаться мне не позволил мой апломб образованного всезнайки.

— Это не пожертвование, а вложение,— спокойно пояснил Макар,— просто очередной проект по снижению уровня жизни населения либо избавлению от конкурента. Знаешь, насколько подорожало электричество с введением этой, так называемой зелёной энергетики? А сколько погибло и пострадало людей от вакцин, произведённых на деньги Гейтса?

— Да, я об этом слышал,— мне пришлось всё-таки признать обоснованность обвинений,— но тут у тебя маленькая неувязочка. Зачем же заставлять людей снижать своё потребление, если можно их просто убить или сделать бесплодными? Гейтс — просто человеконенавистник. Причём тут остальные экологи?

— Наслушался сказок про золотой миллиард,— Макар пре-

зрительно фыркнул. – Нет, парень, не смогут эти паразиты обеспечить себе желаемый уровень комфорта, если нас будет так мало. Золотой миллиард – это просто экран, ширма.

– Ничего себе ширма, – тут я искренне возмутился, – да кто ж добровольно сознается в том, что планирует угробить большую часть человечества? Их просто вовремя вывели на чистую воду. Для чего сочинять про себя такие страшилки, если в действительности ты белый и пушистый?

– Вот как раз для таких горячих парней, как ты, – усмехнулся Макар. – Чтобы вы обрушивали свой праведный гнев на пустышку, пока эти махинаторы втихую проворачивают свои делишки. Ты хоть понимаешь, на чём держится их власть?

Вот тогда я, пожалуй, впервые всерьёз задумался над его словами. Сказать, что власть держится на деньгах? Нет, слишком наивно и поверхностно. Деньги ведь могут сыграть и против власть имущих. На военной силе? Тоже сомнительно, ведь военные – это те же люди, которых дрючат ничуть не меньше, чем остальных. На идее? А какой? Что у них есть за душой, кроме желания хорошо жить? Можно ли управлять целым миром с помощью идеи обогащения отдельных персонажей? Как-то не вдохновляет. В общем, я замялся, и Макар не стал дожидаться, пока я рожу что-то вразумительное.

– Их власть держится на иллюзии, – он выдержал театральную паузу, наслаждаясь моим обескураженным видом, – на иллюзии того, что деньги являются товаром.

Ба, да наш доморощенный философ, оказывается, не так прост. Похоже, я напрасно считал его дикарём, высшее образование у него прям-таки на лбу написано. Однако идеи у него довольно волюнтаристские. Хочется верить, что свои собственные, а не почерпнутые от заезжего туриста.

– Наша цивилизация раньше вовсе не была ростовщицеской, – продолжил вещать Макар, – ростовщиков все не любили и даже преследовали. Ведь деньги были придуманы просто как удобное средство для обмена товарами, и вовсе не были они монетами поначалу. Знаешь, что было в ходу у английских коммерсантов ещё в восемнадцатом веке? Такие смешные палочки с зарубками. И ничего, для нужд учёта и обмена этого хватало.

– Откуда тебе это известно? – удивился я.

– Так они до сих пор у них в музеях лежат, – Макар удовлетворённо огладил бороду.

Из вежливости я не стал спрашивать, когда же это он умудрился посетить английские музеи. А зря, между прочим. Как-то незаметно осведомлённость моего хозяина перестала меня ошарашивать. Видно же, что мужик сидит один на острове вовсе не потому, что ему податься некуда. Тут явно какая-то жуткая тайна.

– А потом самые хитрые решили продавать не товары, а сами деньги, – лектор вопросительно наклонил голову, мол, дошло до тебя, или дальше объяснять. – Действительно, чего им заморачиваться с расходами на сырьё и производство, ко-

гда можно просто печатать деньги и сдавать их наивным дурачкам попользоваться за проценты? Но тут есть два обязательных условия,— он хитро подмигнул,— во-первых, дурачки должны согласиться платить за кредит и прочие формы проката денег, а ещё этих самых дурачков должно быть много. Иначе план не сработает.

— Так ты поэтому считаешь, что золотой миллиард — это просто прикрытие? — догадался я. — Выходит, чем нас больше, тем они становятся богаче.

— Ага, такой у них план,— согласился мой мудрый собеседник. — Но, как ты говоришь, планета не резиновая, да и у паразитов запросы постоянно растут, не умеют они вовремя остановиться, хоть уже и так жрут в три горла.

— Значит, чтобы паразиты и дальше увеличивали своё потребление, остальное население планеты должно затянуть пояса,— закончил я за Макара.

— Очевидно, не так ли? — задал он риторический вопрос. — А как заставить население сократить своё потребление, причём добровольно, чтобы не вызвать справедливых протестов?

— Экология,— выдохнул я. Нет, ну почему я сам-то не додумался до такого простого объяснения?

— Да, от людей уже и не скрывают, что жить станет с каждым годом только хуже,— Макар горько усмехнулся. — А люди даже не пытаются трепыхаться, сами отказываются от привычного комфорта под красочным лозунгом борьбы за эко-

логию, да ещё и гордятся своей жертвенностью.

— Хочешь сказать, что народ вконец отупел? — я обиженно засопел, так как явно принадлежал к тем дурачкам, которых облапошили хитрые махинаторы.

— Я хочу сказать, что технологии паразитов работают безотказно,— пояснил Макар. — То, что люди разучились думать самостоятельно — это тоже часть их плана, без этого им не удалось бы управлять миром при помощи иллюзии. Открытого противостояния эти ребята не выдержат, потому что, в сущности, они вовсе не обладают каким-то могуществом или сверх способностями, просто научились манипулировать сознанием людей. Или их кто-то научил,— процедил он сквозь зубы.

От последней фразы, произнесённой на полном серьёзе, я едва ни прыснул. Похоже, мы уже договорились до пришельцев с иных миров. Или это Макар так намекает на сатану и прочих бесов? Забавно. Чую, меня ждёт весёлое времечко наедине с сумасшедшим философом-одиночкой. Впрочем, всё лучше, чем наркоман или бандюга. Сказки я ещё с детства люблю, а у моего хозяина язык хорошо подвешен, так что скучно не будет.

4 октября

Сегодня произошли очень странные события, которые позволили мне узнать много нового не только о Макаре, но и о себе, любимом. Возможно, эти события даже можно было бы назвать ещё одним моим рождением, я уже запутался, которым по счёту, но что-то мне подсказывает, что это, скорее, был такой квест, а не реальная драма. Впрочем, не буду забегать вперёд, всё по порядку.

В четверг ближе к вечеру зарядил противный холодный дождь со снегом. Небо заволокло низкими серыми тучами, так что начало казаться, будто мир внезапно растерял все свои краски, сделался серым и невзрачным. К утру тучи опустились уже к самой земле, изображая из себя промозглый туман, и мир послушно съёжился до размеров нашего хлипкого домика, видно стало не дальше двух метров от крыльца. Вылезать наружу не хотелось, хоть режь, но и в доме делать особо было нечего.

В городе подобные погодные фортели меня бы не огорчили ни разу. Если у вас имеется доступ в сеть, то всегда есть, чем заняться. Я уж не говорю про воркующую рядышком Маринку. А что можно поделать в четырёх стенах без электричества и связи с внешним миром? В общем, я откровенно приуныл, особенно, как представил себе перспективу провести вот так несколько месяцев. Это ж я просто свих-

нужно от скуки. А на Макара капризы природы не произвели никакого впечатления, мои капризы, впрочем, тоже. Он напялил резиновые сапоги, дождевик и отправился, как позже выяснилось, на охоту. Я тоже было сунулся прогуляться, но мерзкая слякоть быстро загнала меня обратно под крышу.

Четыре часа я метался по домику, как тигр в клетке, хотя, наверное, будет правильнее сказать, как лис в пустом курятнике. Белый Лис. Кстати, Макар так и не поинтересовался моим настоящим именем, упорно продолжает при обращении использовать это смешное прозвище. А я тоже не снизошёл до официального представления, решил, пусть он называет меня, как ему хочется, мне до лампочки. Ближе к вечеру мой нелюбопытный сокамерник таки соизволил вернуться, причём с тушкой зайца, и тут же принялся готовить обед. От обиды я надулся ещё больше, ведь он мог бы и позвать меня с собой, жалко ему, что ли. Однако долго кукситься я не смог, пошёл предлагать свою помощь в готовке. Судя по отрешённому виду Макара, помощь ему вовсе не требовалась, но отказываться он не стал, послал меня в погреб за картошкой и луком.

Я спустился в подвал, и тут меня натурально настиг когнитивный диссонанс. Хранилище для еды, даже погребом его назвать не могу, было оборудовано по последнему слову техники. Прочные стеллажи, аккуратные ящики с притёртыми крышками, видимо, от мышей и прочей живности, даже морозильная камера, обложенная кубиками льда, имелась в

наличии. Вот это я понимаю, мужик подготовился к зимовке по-взрослому. Настроение моё немного улучшилось, а то я уже начал представлять, как мы будем всю зиму питаться сухарями. Да что там сухари, в мою дурную башку пришла даже паническая мысль, а не придётся ли мне самому стать для Макара ходячим запасом свежего мяса. Не для этого ли он выудил меня из озера? Сейчас от таких подозрений мне стыдно до красных ушей, но отрицать того, что они были, не стану. Кому тут врать?

Двое суток дождь лил как из ведра, наш холм превратился в болото, даже посетить нужник можно было только в резиновых сапогах. На второй день я всё-таки заставил себя выползти из дома, типа, прогуляться, спустился с холма и уже через полчаса заблудился в тумане. Ещё час я упорно пытался найти наш домик, а потом свернул свою гордость в трубочку и принялся жалобно звать Макара на помощь. Тот явился буквально через пару минут, вырос у меня за спиной, словно призрак, и молча положил руку мне на плечо. Чёрт возьми, так и до инфаркта довести можно. А этот ниндзя только ухмыльнулся, когда я подпрыгнул от неожиданности, развернулся и чуть было снова ни растворился в тумане, я едва успел сесть ему на хвост. Оказалось, что я блуждал прямо под нашим холмом. Вот такая шутка юмора.

Когда наутро третьего дня я проснулся от яркого солнечного света, то просто глазам своим не поверил. Всё вокруг было покрыто свежим снегом и сверкало так, что пришлось

идти в дом за тёмными очками. После завтрака, видя моё нетерпение, Макар сам предложил мне прогуляться вдоль берега, поискать, не выбросило ли штормом мотор от его лодки. Я, естественно, с радостью согласился. Эх, наивный, не подозревал, какой сюрприз приготовил мне хозяин Спаса. Хотя, может быть, по началу он и не планировал это издевательство, похоже, я сам его спровоцировал.

Мы пошли вдоль обрыва к южной оконечности острова. Постепенно травяной склон сменился каменистой насыпью, а потом вообще превратился в сплошную скалу. Было довольно скользко, даже в трекинговых ботинках я постоянно оскальзывался на мокром снегу. Удивительно, но Макар словно бы и не замечал превратностей тропы, шёл по самому краю скалы уверенно, не глядя под ноги, хотя у него на ногах были обычные резиновые сапоги. А я старался держаться от обрыва подальше, хотя и понимал, что нужно бы помочь моему спасителю искать лодочный мотор, но заставить себя подойти ближе к краю не мог. Даже от грохота разбивающихся о камни волн мне делалось не по себе, а уж смотреть на эту жуть внизу совсем не хотелось.

Некоторое время Макар наблюдал за моими манёврами, а потом остановился и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Лис, а ты ведь боишься высоты, – он удивлённо наклонил голову. – Приходилось падать?

Его вопрос застал меня врасплох, в тот момент я ещё и сам не осознавал, что избегаю приближаться к краю обрыва,

мне казалось, что я просто выбираю удобную тропу. Но он был прав, я действительно опасался падения, просто не хотел себе в этом признаваться. Это было странно, никогда у меня не было акрофобии, я ведь служил в десантуре, с парашютом прыгал десятки раз, а тут такое. В общем, стою я в растерянности, не знаю, что сказать, а Макар задумчиво так продолжает строить догадки.

– Значит, в этой жизни падать с высоты тебе не приходилось,— говорит, а сам смотрит мне прямо в глаза, словно ждёт чистосердечного признания. – Получается, это привет из прошлого воплощения. Не удивлюсь, если из своей прошлой жизни ты ушёл добровольно таким вот нехитрым образом,— и кивает на обрыв, типа, ты, парень, у нас, оказывается, самоубийца.

Сам не пойму, как я сдержался, чтобы не заржать ему прямо в лицо, аж скулы свело от судорожного усилия не дать губам расплыться в издевательской улыбке. Мужик ведь на полном серьёзе старается мне помочь, нехорошо смеяться над убогими. Нет, я вовсе не ретроград какой-нибудь, был грешок, пару лет назад бес попутал меня связаться с эзотериками. Я тогда перелопатил кучу литературы, бегал на разные семинары, общался с великими гуру, да и сам практиковал от души, так что про реинкарнацию, карму и прочий бред знаю не понаслышке. Как-то раз я даже сподобился посетить регрессолога и увидеть свои якобы прошлые воплощения. Прикольные, кстати, картинки мне показали.

К счастью, помутнение рассудка быстро прошло, я нашёл интересную работу, встретил Маринку, и жизнь вошла в нормальное русло, без эзотерической шизы. А вот Макара, похоже, верил во всё это вполне искренне и так же искренне решил мне помочь избавиться от напасти, прилетевшей из прошлого воплощения. Эх, мне бы тогда насторожиться, ведь нет ничего хуже, чем благие намерения, особенно, таких конкретных мужиков с севера, как мой уважаемый отшельник. Но я только отметил про себя, что нужно бы подыскать какую-нибудь интересную тему, чтобы отвлекать соседа-эзотерика от его пунктика, а то ведь доведёт меня до помешательства своими идиотскими фантазиями.

Пока я раздумывал над отвлекающими манёврами, мы дошли до самой южной точки Спаса. На юге остров заканчивается узким мысом, похожим на львиную лапу. Высота обрыва в этом месте составляет уже метров тридцать, не меньше, скала уходит в воду практически вертикально, и гладкая, как стекло. Я представил себе, какими же должны быть тут волны, чтобы достать до края обрыва, и невольно поёжился. Хотя, добить до верха волны, конечно, не могут, должно быть, это дождевой поток отполировал поверхность камня до зеркального блеска. Вид отсюда открывался просто потрясающий, бурные воды озера, брызги, пена и мрачные чёрные скалы. Яркое солнце лишь слегка придавало мягкости сему брутальному пейзажу. А в плохую погоду этот мыс, должно быть, является просто апологией одиночества и безысходно-

сти.

– Подойди к краю,– внезапно скомандовал Макар у меня за спиной.

В его голосе не было презрения к моей слабости, просто инструкция по борьбе с акрофобией, не более того. Я с сомнением оглядел гладкую поверхность камня и невольно покачал головой.

– Не давай страху управлять твоими действиями,– меланхолично посоветовал мой попутчик,– если один раз отступишь, то будешь вечно бояться.

Я разозлился. И ведь понимал, что он тупо берёт меня на слабо, а поделаться с собой ничего не мог, ноги сами понесли меня на край пропасти. Я демонстративно подошёл к обрыву и даже заглянул вниз. И ничего со мной не случилось, даже особо страшно не было. Похоже, фобии живут исключительно у нас в головах. Стоит только пересилить себя, и они бегут без оглядки, поджав хвост. Как же я был горд собой в тот момент, даже не заметил, как Макар оказался у меня за спиной.

Толчок в спину был совсем несильным, но я всё равно не удержал равновесия, не ожидал такой подлянки. Каким-то чудом я успел развернуться в падении и ухватиться за край обрыва. Увы, камень оказался мокрым и скользким, мои пальцы лишь на секунду задержали мой последний полёт. Кажется, я даже не успел сообразить, что сейчас умру, когда моё правое запястье оказалось в жёстком захвате. Пальцы

Макара ухватили мою руку словно клещами. По инерции я со всей дури приложился об скалу, но даже не заметил боли. Мои ботинки заскребли по гладкому камню в тщетной попытке найти хоть какую-то зацепку, а левая рука тут же вцепилась в рукав куртки Макара.

В первый момент мне показалось, что всё это было просто нелепой случайностью, он вовсе не собирался меня сталкивать, просто дружеский хлопок по спине обернулся катастрофой. Но когда я поднял глаза, то сразу осознал свою ошибку. Макар сидел на корточках прямо надо мной, так что носки его резиновых сапог выглядывали за край камня, и с неподдельным интересом наблюдал за моими судорожными барахтаньями. В его лице не было напряжения, хотя держать в таком положении человека, который тяжелее тебя самого как минимум на десяток кило, должно было быть непросто, да практически невозможно.

В этот момент я понял, что мне конец, ему меня не вытащить. Удивительно, как он вообще умудрился удержать меня от падения. Каюсь, первое, что тогда пришло мне в голову – это подленькая мысль, что сдохнем мы с Макаром на пару. А нечего было разыгрывать из себя гуру, когда не в состоянии просчитать последствия своих действий. Эта мысль заставила мои пальцы сжаться на рукаве его куртки мёртвой хваткой. Видимо, моё инстинктивное намерение утащить с его собой не укрылось от спасателя, его губы скривились в насмешливой гримасе, но голос прозвучал спокойно, даже,

можно сказать, отстранённо.

– Отпусти мою руку,– скомандовал Макар, не повышая голоса.

Всё было ясно, он, как и я, оценил ситуацию и сделал вывод, что вдвоём нам не спастись. Умом я понимал его правоту, но не мог себя заставить разжать пальцы, взбесившийся инстинкт самосохранения отключил мою способность управлять собственным телом. А ведь каждая секунда могла стать последней не только для меня, но и для Макара. Видимо, он догадался, что со мной творится.

– Считаю до пяти,– последовало хладнокровное предупреждение. – Если ты не отпустишь мою руку, то я отпущу твою.

Не помню, каким образом мне удалось задавить свой ужас, но на счёт три я разжал пальцы. В следующую секунду моё тело взлетело над обрывом, Макар с лёгкостью выдернул меня из пропасти как морковку из грядки. Знаете, что я почувствовал, когда ощутил под ногами твёрдую опору? Думаете, радость, облегчение, благодарность? Фигушки, я ощутил жуткую обиду. Ему, оказывается, ничего не стоило вытащить меня сразу, без испытания моей хрупкой психики на излом. И сразу пришла уверенность, что свалился я не случайно, Макар специально меня толкнул.

– Зачем ты это сделал? – процедил я сквозь зубы, с явным намерением, если уж не набить ему морду, то, по крайней мере, высказать всё, что думаю про такие подлые фокусы.

Увы, моему намерению не суждено было исполниться.

– Ты должен научиться мне доверять,— Макар устало вздохнул и печально улыбнулся, как бы даже с сожалением.

Наверное, мне нужно было проглотить обиду и заткнуться, но меня понесло.

– Я должен тебе доверять,— возмутилось моё задетое самолюбие,— после того, как ты пытался меня убить?! А сам-то ты мне доверяешь, умник?

Не знаю, какой реакции я ожидал. Наверное, что он огрызнётся или отмочит что-то обидное про маменькиных сынков, которым неймётся доказать всем свою крутость, но вышло всё по-другому. Глаза моего дважды-спасителя вдруг загорелись безумной надеждой, он словно ждал чего-то, но сам себе не верил, что его ожидания оправдаются.

– А можно? – в его тоне не было ни капли сарказма, он действительно спрашивал моего разрешения довериться. На полном серьёзе.

Вот тут мне сделалось не по себе. А ведь мужик прав на все сто. Как можно доверять безбашенному идиоту, способному на бессмысленный риск только ради того, чтобы доказать самому себе, что ему сам чёрт не брат, и потому он может позволить себе любое сумасбродство? А ведь Макару предстоит провести с этим идиотом несколько месяцев в замкнутом помещении, когда будет холодно и одиноко, когда придётся делить не только одну комнату, но и скудную еду, которую он, наверняка, заготовил только на себя одного. Ес-

ли пара дней непогоды нагнали на меня такую тоску, то что сделают долгие зимние месяцы?

Макар внимательно следил за выражением моего лица, поэтому не мог не заметить, какое впечатление произвёл его простой вопрос. Огонёк в его глазах потух, на губах появилась горькая усмешка.

– Вот то-то,– резюмировал хозяин Спаса,– доверие ещё нужно заслужить, Лис. Но на меня ты можешь положиться, теперь ты это знаешь.

Он развернулся и не оглядываясь пошёл обратно. А я ещё долго стоял на краю обрыва, всматриваясь в острые клыки скал, которые сегодня могли стать моей могилой. Но не стали, потому что рядом был надёжный товарищ, которому я теперь верил больше, чем себе.

5 октября

До самого вечера я по инерции продолжал изображать из себя невинно обиженного, никак не мог смириться с тем фактом, что какой-то дикарь посчитал себя в праве преподать мне такой жёсткий урок. Он ведь рисковал моей жизнью. Или мне это только показалось? А на самом деле Макар был настолько уверен в своих силах, что ему даже в голову не пришло тревожиться за исход мероприятия. Как такое может быть? А как он смог меня вытащить, да ещё вроде как играючи, практически не напрягаясь? Это же не под силу нормальному человеку. Наверное, именно тогда я впервые начал присматриваться к своему сокамернику на предмет его необычных способностей, интуитивно почувствовал, что это было только начало сюрпризов.

На закате мы с Макаром расположились на крылечке полюбоваться заходящим солнцем, и я решил, что пришла пора удовлетворить моё любопытство.

– Расскажи, как тебе удалось так легко меня вытащить из пропасти, – попросил я, – я ведь гораздо тяжелее тебя.

– Нужно больше внимания уделять своему телу, – ожидаемо ответил силач, – развивать, заботиться. А ты, как я полагаю, совсем себя запустил.

Ничего себе, заявочки. Тоже мне, нашёл хлюпика. Да моей физической форме даже профи позавидовать могут. Смог

бы я сюда приплыть на байдарке по двухметровым волнам, если бы был слабаком? Внутренне я закипел, как чайник, но доказывать что-то этому немолодому, в общем-то, человеку посчитал ниже своего достоинства. Вместо этого я соорудил недовольную физиономию и принялся капризничать. Сейчас даже вспомнить стыдно.

– Как-то незаметно, что ты о своём теле заботаешься, – съязвил оборзевший постоялец, – даже куча кирпичей легко даст фору твоему топчану в плане мягкости и удобства.

Удивительно, но Макар совсем не обиделся на наезд, хотя у него и было основание послать меня куда подальше. Действительно, ну кто меня звал в гости? Мужик спас незнакомого ему придурка, делит с ним жильё и еду, а тот ещё предъявляет претензии по поводу недостаточного комфорта.

– Ты плохо меня слушаешь, Лис, – отрешённо произнёс хозяин Спаса, – я говорил вовсе не о том, чтобы обеспечить своему телу всевозможные удобства, а о том, чтобы его развивать и избавляться от телесной зависимости. Я, к примеру, в случае необходимости могу спать даже стоя и не буду при этом испытывать дискомфорта.

– Так ты йог, что ли? – пренебрежительно фыркнул я. – Тогда понятно.

– Ничего-то тебе не понятно, – вздохнул Макар. – Ладно, объясню. Тело – это проявленная форма твоего сознания, оно не существует отдельно от твоего ума, который это проявление и интерпретирует. Можно до морковкина заговения

накачивать мышцы, тянуть связки и так далее, но всё равно не сможешь повернуть тот фокус, что я показал тебе на мысу. Для этого твой ум должен полностью взять под контроль эту самую проявленную форму, что ты называешь телом.

Тут он был совершенно прав, мне действительно стало ничего непонятно, причём именно после его, так сказать, объяснения. Видимо, возмущение было написано у меня на лбу, потому что Макар счёл необходимым опуститься до разжёвывания очевидных, с его точки зрения, вещей.

– Давай разберём, что такое проявленная форма сознания, – предложил он. – Рассмотрим каждое слово отдельно, так тебе будет проще понять. Что значит проявленное? Может ли что-то быть непроявленным? Что скажешь?

– Может, наверное, – я пожал плечами. Мне не хотелось углубляться в философию, гораздо интересней было узнать, какими тренировками он довёл своё тело до такого идеального состояния.

– Все явления могут пребывать в проявленном и непроявленном виде, – Макар проигнорировал моё недовольство и продолжил философствовать. – Всё, что имеется в твоей реальности, проявлено. Большинство, но не всё, ты можешь воспринимать сознанием, а какую-то часть даже интерпретировать умом.

– А если я что-то не воспринимаю, то оно уже как бы не проявлено? – я скептически усмехнулся. – Так в моей реаль-

ности полно таких штук: биополя, рентгеновские лучи, элементарные частицы.

– Эх, молодёжь,— вздохнул самодеятельный просветитель тупых недорослей,— как же ты это не воспринимаешь, когда уже даже названия к этим явлениям прилепил? Мысль – это такая же вибрация, как гудок паровоза или вон трава у тебя под ногами. Просто ум их по-разному интерпретирует.

– То есть, если я о чём-то там слышал или просто задумался, то как бы уже проявил,— уточнил злобный скептик.

– Молодец,— похвалил меня самопальный гуру,— быстро схватываешь. Ментальный уровень вибраций, кстати, ещё не самый тонкий из того, что доступно в нашем мире. Но для интерпретации более тонких вибраций у большинства людей чувствительности ума не хватает. Поэтому для таких нечувствительных они как бы и не существуют. Тем не менее, эти тонкие вибрации тоже проявлены, так как сознание их вполне способно воспринимать как бы на интуитивном уровне. Пока по первому слову в нашей фразе достаточно. Переходим к форме?

Я захлопнул отвисшую от удивления челюсть и ошарашенно кивнул. А вы бы на моём месте не обалдели? Да кто он такой, в конце концов, этот отшельник? Меня что же, угрозило наткнуться на какого-то продвинутого йога и философа в одном флаконе?

– Можешь примерно описать, как ты сам понимаешь понятие формы? – Макар любезно предоставил мне возмож-

ность опозориться, и ваш покорный слуга, естественно, не преминул ею воспользоваться.

– Форма – это внешняя оболочка,– неуверенно пролепетал я.

– Вовсе не обязательно внешняя,– Макар разочарованно покачал головой,– а в нашем случае это вообще неверно. Мы ведь говорим о форме сознания, помнишь? Скорее, следует говорить о некоей внутренней структуре, о вибрационном спектре. Так понятней?

– Что такое спектр, я знаю,– надулся невежда,– но как может существовать спектр у сознания?

– Браво, наконец-то ты стал задавать правильные вопросы, Лис,– обрадовался Макар. – Давай разберём последнее слово в нашей фразе, и всё встанет на свои места. Дело в том, что слово «сознание» выбрано мной условно. Вместо этого слова ты можешь использовать любое другое на выбор: табуретка, крокодил, велосипед.

– Хочешь сказать, что существует проявленная форма табуретки? – ехидно полюбопытствовал я.

– Людям свойственно присваивать имена тому, что они наблюдают,– пояснил гуру,– это заложено в их природе. Но далеко не все звуковые вибрации, которые мы именуем словами, несут в себе смысл и отражают суть называемого явления. Русский язык в этом плане даёт значительные преимущества, потому что он очень древний и представляет собой открытую матрицу. Само звучание слова как бы подсказыва-

ет нам, что это за явление. А что делать, если нужно дать название тому, что совершенно непонятно и даже в принципе непостижимо?

– В русском языке есть слова и для этого,— вставил я свои пять копеек,— например, слово «нечто».

– Согласен, можно сказать и так,— Макар добродушно усмехнулся,— только в слове «нечто» присутствует отрицание, не находишь? А нам, наоборот, нужно назвать то, что является источником всего, всей проявленной реальности? Тут отрицание не очень подходит.

– По-твоему, источником всего является сознание? — недоверчиво поинтересовался я.

– Лао Цзы дал ему имя Дао, герметики называют абсолют, буддисты — всеосновой, кто-то говорит о праматерии или хаосе,— начал перечислять Макар,— а мне нравится термин «единое сознание». Ты не против, если я буду использовать именно его?

– Почему единое? — слово «сознание» почему-то не вызвало у меня вопросов.

– Когда единое сознание проявляется в какой-то форме, то становится уже индивидуальным сознанием,— спокойно пояснил мой собеседник.

– А когда оно проявляется? — задал я следующий идиотский вопрос.

– Постоянно,— Макар задумчиво посмотрел на розовые облака, плывущие по закатному небу,— это неотъемлемое

свойство сознания, оно так существует.

– Ага, значит, если это самое единое сознание проявляется в форме меня, то становится моим сознанием,— наконец-то я обнаружил хоть что-то понятное в заумных рассуждениях моего визави. Впрочем, тут я явно поторопился с выводами. и ответ Макара не замедлил это подтвердить.

– Точно,— Макар удовлетворённо кивнул,— а если оно проявляется в форме табуретки, то становится сознанием табуретки. Ты, кажется, уловил суть.

Ну да, уловил, только не суть, а лёгкое помешательство. Какое может быть сознание у табуретки? Я пялился на радостно улыбающегося философа и никак не мог сообразить, кто из нас больший псих: он, который несёт откровенную околесицу, или я, раз слушаю эту околесицу, развесив уши. Видимо, Макар прочёл мои мысли, потому что его улыбка вдруг сделалась печальной.

– Лис, ты ещё не забыл, что мы используем слово «сознание» только потому, что так договорились? – он хлопнул меня по коленке, как бы подводя итог вечерней беседе. Мол, ты пойди, переспи с полученной инфой, а потом обсудим.

Но меня такой расклад не устроил от слова совсем. Да я заснуть не смогу с этой кашей в голове.

– Правильно ли я понял, что ты сейчас приравнял меня к табуретке? – ехидно поинтересовался любознательный неопит. Если честно, я ожидал, что Макар начнёт оправдываться, заявит, что я его неправильно понял, мол, он имел ввиду

совсем другое. Как же я ошибся.

– Ну да, всё, что проявлено, имеет одну и ту же природу, – Макар снова заулыбался, видимо, решил, что я наконец его понял правильно. – Форма, она же – вибрационный спектр, у всех проявлений разная, а по сути всё является сознанием, ну или праматерией, абсолют, дао, если тебе так понятней. В общем, всё сделано из одной и той же субстанции.

– Тогда получается, что всё в нашей реальности живое, – рассуждения Макара внезапно начали мне нравится, вызвали какой-то отклик в душе. Я уже давно подозревал, что так называемая неживая материя на самом деле тоже может чувствовать.

– Главное, что всё обладает способностью проявляться, – пояснил Макар, – это действительно важно.

– Почему только это? – удивился я. Мне-то казалось, что представление о мире, как о живом организме, и есть самое важное.

– Потому что всё, что ты видишь, слышишь, ощущаешь, чувствуешь, думаешь, всё это является проявлением твоего сознания, – медленно, с расстановкой произнёс Макар. – Оно – часть тебя самого, той проявленной формы единого сознания, которую ты называешь «я».

– А ты? – я уже уловил суть его рассуждений, но нарисованная им картинка никак не желала укладываться в моей голове. – Кем является Макар, которого я сейчас слушаю?

– А я – всего лишь интерпретация твоего ума определённого

ных вибраций твоего же сознания, которые ассоциируются с ещё одним игроком в той замечательной игре, которую мы зовём жизнью,— Макар произнёс эту фразу с таким видом, словно это было нечто само собой разумеющееся.

Эта последняя капля явно переполнила чашу моей восприимчивости к заумным сентенциям старшего товарища. Голова просто отказывалась вмещать в себя новый опыт. Наверное, в ней уже и так было полно всяческой полезной и не очень информации. В общем, мне требовалась передышка.

— Так, пожалуй, на сегодня с меня довольно,— я решительно поднялся и направился вниз по склону к озеру.

Макар не стал меня удерживать, видимо, чувствовал, что лучше дать мне немного времени, чтобы переварить полученные знания. Самое странное — это то, что я вовсе не пытался списать услышанное от Макара на буйную фантазию моего собеседника. У меня возникло такое странное ощущение, что я уже и раньше слышал подобные рассуждения, более того, я это ЗНАЛ. А ведь это вовсе не так, в эзотерических книжках о природе реальности ничего не говорилось, по крайней мере, в таком ключе. Откуда же тогда взялось это странное узнавание? А вдруг эзотерики не врут, и мы действительно перерождаемся? Тогда я мог слышать об этом в прошлой жизни. Вот было бы забавно.

Я вернулся домой, когда уже стемнело. Макар явно меня поджидал, на столе уже стояли миски и дымился чугунок с кашей. За ужином мы почти не разговаривали, но я явно

напрасно решил, что мой самопальный гуру выбросил нашу беседу из головы. Ему почему-то было очень важно, чтобы я проникся его теорией. Когда пришло время чая, Макар сочувственно посмотрел на моё напряжённое лицо и покачал головой.

– Похоже, тебе не помешает подкормить мозги чем-нибудь сладеньким,— поставил он диагноз. – Сходи-ка за мёдом, там, в твоей банке вроде ещё немного оставалось.

Я смущённо опустил глаза. Эту баночку мёда, которая была в моём багаже, я втихаря прикончил ещё во время дождя, пока в одиночестве мерял шагами нашу хижину. И ведь понимал, что это нечестно, деликатесами нужно делиться, но ничего с собой поделать не мог, мне требовалось чем-то заесть творящийся в душе раздрай. И на что я надеялся? Что Макар не обратит внимания на такую подлянку? Наивный идиот.

– Прости, мёда больше нет,— промямлил я. – Я его съел ещё два дня назад.

– Глупости,— отмахнулся Макар,— я только что видел полную банку, когда ходил в погреб за крупой к ужину.

Он легко поднялся и через минуту поставил передо мной полную банку мёда, ту самую мою банку. А какой же мёд я тогда прикончил? Может быть, у Макара был свой запас, и он просто устроил мне урок по правилам общежития? Ещё один. Что ж, с него станется. Я надулся, как индюк. Что это за детский сад? Мог бы просто сказать, что я скотина, а не

устраивать тут показательную порку.

– Я ведь уже извинился,— мне было стыдно, но и каяться до бесконечности не хотелось. Разок ткнул меня носом в собственное дерьмо и хорош, нужно и меру знать.

– Что-то я тебя не пойму,— Макар пожал плечами. – Не хочешь мёд, съешь шоколадку. Тебе точно сейчас нужно поест сладкого, Лис.

Он говорил спокойно и рассудительно, прям доктор у постели больного, типа, прописал рецепт. А меня взяла такая злость, что захотелось запустить этой банкой прямо ему в наглую рожу.

– Какие ещё шоколадки?! – взвился я. – Тут до ближайшей шоколадки грести четыре часа, если повезёт с погодой.

– Да вон же на столе лежит,— на лице насмешника появилось выражение наигранного удивления. – Или ты молочный с орехами не любишь?

Я мог бы поклясться, что секунду назад этой плитки шоколада тут не было. Да и не могло её быть. Я с собой из сладкого взял только мёд, а все запасы Макара я прошерстил ещё в свой первый визит в погреб. Там было только самое необходимое для выживания. До меня наконец дошло, что трюк с мёдом вовсе не преследовал цель меня проучить, тут было что-то другое. Макар устроил мне ещё один квест, только несчастный испытуемый пока не мог разобраться, в чём он заключался.

– Это какая-то иллюзия? – предположил я, осторожно до-

трагиваясь до яркой обёртки. Бумага была гладкой на ощупь, как ей и положено быть. – Нет, на иллюзию не похоже, тогда в чём подвох?

– Да бери уже, – рассмеялся фокусник, – это же твой любимый шоколад.

– Откуда ты знаешь? – я подозрительно покосился на шоколадку. Вообще-то, это была сушая правда, молочный шоколад с миндалём был моей слабостью. Но откуда об этом мог узнать отшельник, живущий в одиночестве на необитаемом острове? Может быть, он мои мысли читает? Вот это была бы настоящая засада.

– Какой же ты недоверчивый, Лис, – посетовал Макар, – а я думал сделать тебе приятное, компенсировать полученный шок. Мы вроде бы уже договорились, что ты будешь мне доверять. Передумал?

Похоже, он специально создавал эти ситуации, чтобы выбить меня из состояния уверенности, заставить подёргаться. И надо признать, ему это удалось, привычное устойчивое здание моего мира вдруг пошло трещинами и начало заваливаться с явным намерением рухнуть и засыпать меня обломками. Макар, видимо, сообразил, что его проказы могут привести к необратимым последствиям для моей психики, и решил внести ясность.

– Лис, тебя ведь не покорило, когда я сказал, что с помощью ума можно сделать своё тело очень сильным, – его улыбка стала ласковой, почти заискивающей. – Почему же ты так

напрягся, когда я задействовал свой ум для манипуляции с другой проявленной формой сознания, в данном случае, с шоколадкой.

– Ты материализовал плитку шоколада?! – вот и не осталось от моего знакомого материального мира даже строительной пыли. Кто бы мог подумать, что снести такую монументальную конструкцию можно при помощи обычной плитки шоколада? Странно, но я почему-то совершенно не испытывал шока от такой демонстрации могущества человеческой мысли, мне даже сделалось весело. Мир-то, оказывается, гораздо интересней, чем я мог себе вообразить.

– Угощайся, – вместо ответа, Макар разорвал обёртку и разломил шоколадку на ломтики.

Можете не верить, но это был тот самый, мой любимый шоколад, который мы с удовольствием и прикончили за чаем и разговорами. Я пока не стал пытаться моего удивительного товарища на предмет предела его магических способностей, ещё будет время для допроса с пристрастием, но должен признать, что демонстрация с шоколадкой придала его философским рассуждениям внушительную весомость. Одно дело, когда ты швыряешь в собеседника ничем не подтверждённые теории, и совсем другое, когда угощаешь его шоколадом, созданном на основе этих самых теорий. Может быть, события, приведшие меня на остров, которые я раньше воспринимал исключительно как трагические, были на самом деле величайшей удачей в моей жизни? Стоит над этим

поразмыслить как следует.

7 октября

Вы верите в судьбу? Или предпочитаете видеть в мистических совпадениях просто случайность? С некоторых пор я сделался ярким поклонником кармическо-фаталистического взгляда на жизнь. Моя истовая вера в статистику и спонтанность была грубо попорана вчерашними событиями. Таких случайностей просто не бывает. Как водится, обо всём по порядку.

Вечерние беседы с Макаром, похоже, начали превращаться в традицию, и это не может не радовать. Сегодня я поймал себя на том, что уже с обеда начал предвкушать изысканный десерт в виде шокирующих откровений моего таинственного гуру. После загадочных событий последних дней у меня буквально прорезался зуд на предмет поговорить со знающим человеком, и в то же время захотелось слегка спуститься на землю и обратиться к какой-то более приземлённой теме, нежели пляски вокруг нашей истинной природы. Нет, про сознание мне тоже интересно, но это так далеко от практики, а хотелось чего-то более осязаемого, какой-нибудь голимой эзотерики. Соскучился я по сказкам. Вот поэтому я в качестве затравки принялся выпытывать у Макара, кого он имел ввиду, когда говорил, что махинаторам от экологии кто-то помогает.

За те два года, что я крутился в эзотерической тусовке,

чего я только ни наслушался: и про пришельцев, и про заговоры чёрной элиты, и про пришествие Мошиаха, и про победу светлых сил, в общем, любые фантазии за ваш счёт. Эзотерики обожают поговорить на всяческие апокалиптические темы, их упрашивать не нужно, главное, заранее вымыть уши, чтобы лапша ложилась ровными слоями. Я вполне логично предположил, что и мой продвинутый гуру тоже сразу ухватится за такую горячую тему, как скрытые манипуляции тёмных сил. Но я ошибся, Макар отнёсся к моему вопросу довольно прохладно, если не сказать, безразлично. Мол, да, есть в нашем мире много всяких проходимцев, подкручивают помаленьку события в свою пользу.

– Я думал, ты говоришь про какие-то высшие силы, – мне не удалось скрыть своего разочарования.

– Это смотря, что ты подразумеваешь, под термином «высшие», – Макар всё-таки сподобился пуститься в объяснения. – Более могущественные, чем обычные люди – это да, но о какой-то высокой духовности тут речи не идёт. Это только Демиурга волнует судьба нашего мира, вот он бы ни за что не стал потакать разрушителям. А эта шушера только и может, что давить людям на психику через купленные СМИ и продажных политиков, настоящей власти у них нет.

Мне, конечно, не терпелось развить тему про Демиурга, я и раньше слышал кое-что про этот сказочный персонаж, но сейчас меня интересовал несколько более прагматичный вопрос.

– А чего ж Демиург им не вставит, – нагло заявил я, – раз уж он такой радетель за благо человечества?

– Я этого не говорил, – невозмутимо отозвался Макар, – человечество для Демиурга – это всего лишь средство, механизм функционирования нашего мира. Он не воспринимает людей отдельно от среды их обитания. А насчёт вставить – это ты напрасно, не за что их карать. Эти манипуляторы ведь никаких законов не нарушают.

– А как же насчёт «не укради» и «не лжесвидетельствуй»? – я возмущился вполне искренне, ведь это понятно даже на интуитивном уровне, что ложь в любом виде наказуема. Но мой странный гуру только поморщился, словно я ляпну что-то неприличное.

– Лис, это вредно поглощать всё без разбору, – назидательно провозгласил он, – некоторая пища может оказаться бесполезной как для желудка, так и для ума. Ну причём тут авраамические заповеди? Какое отношение они имеют к законам мироздания?

– Но ведь именно они регулируют этические нормы в нашем обществе, разве нет? – я уже и сам начал сомневаться, настолько уверенно Макар срезал мои неловкие попытки поспорить.

– А закон Ома, к примеру, тоже советует тебе не совать руки в розетку? – ехидно поинтересовался Макар. – Или всё-таки он недвусмысленно даёт понять, что будет, если ты это сделаешь? Законы мироздания рассказывают о том, как оно

устроено и по каким алгоритмам функционирует, а не раздают бесплатные советы. Вредные, кстати, советы.

– А что в них вредного? – совсем он меня смутил, я даже возмущаться не стал его новому, совсем неочевидному заявлению.

– А наше мироздание не воспринимает отрицания, – спокойно пояснил мой мудрый гуру. – Все наши ментальные окраски для него несущественны, главное – это сам объект. Так что твоё «не укради» для мироздания звучит как призыв к воровству. Обычная ловушка для неспособных мыслить самостоятельно адептов. Но к законам мироздания заповеди Моисея не имеют никакого отношения.

– Тогда о каких законах ты говоришь? – мне стало по-настоящему интересно. – Можешь привести в пример хотя бы один?

– Например, тот закон, который не позволяет Демиургу покарать манипуляторов, – Макар хитро мне подмигнул, – закон свободы воли. По этому закону все проявленные формы сознания свободны в своём выборе, и нарушение карается кармически.

– Понятно, – самоуверенно заявил я, – видимо, поэтому нынешние элиты внедрили в своих странах демократические выборы. Стрёмно им нарушать законы мироздания.

– Эх, молодость, – Макар осуждающе покачал головой, – совсем думать разучились. Свобода выбора вовсе не означает, что ты обязан поставить галочку под одним из навязан-

ных тебе вариантов. Ты этот вариант должен сам сформировать, понимаешь? А так получается, что ты добровольно соглашаешься на то, чтобы твоей жизнью управлял какой-то незнакомый дядя. Или тётя,— добавил он.

— Значит, по-твоему выходит, что выбирать можно только знакомых,— съязвил я. — Это только в каком-нибудь Микропопинске возможно, а в масштабах государства такое нереально.

— Ты словно меня не слышишь,— посетовал Макар. — Дело не в том, что дядя тебе незнаком, а в том, что ты на деле отказываешься от собственного выбора и, следовательно, нарушаешь закон свободы воли.

— Чем же я его нарушаю? — возмутился защитник демократии.

— А этот закон действует в обе стороны,— пояснил Макар. — Нарушением считается не только покушение на чужую свободу, но и отказ от своей собственной. Приняв навязанный выбор, люди сами себя лишают прав и становятся для мироздания и Демиурга просто вещью. Выбор есть выбор. Если ты не желаешь быть свободным, то кто ж тебе доктор?

— Так что же теперь, не участвовать в выборах? — я распалился уже не на шутку. — Это тоже, знаешь ли, не выход. Свою позицию нужно отстаивать.

— Вот так они и ловят вас, дурачков,— усмехнулся Макар,— ставят перед выбором, который выбором вовсе не является. На самом деле этим махинаторам просто нужно легитимиро-

вать собственное право вами управлять, плевать им, в каком квадратике ты поставишь галочку, главное, что поставишь. А это, как ни крути, добровольное согласие на то, чтобы кто-то диктовал тебе законы, по которым ты должен жить. Под лозунгом демократии махинаторы заставляют вас отказаться от собственной свободы, по сути, превращают из людей в стадо овец.

– Но кто-то же должен руководить страной? – я недоверчиво покосился на этого диссидента с острова Спас.

– Да, оперативное управление необходимо, – как ни в чём ни бывало согласился диссидент, – защищать, следить за выполнением правил общежития, помогать немощным. Для такой работы полномочия управленца должны быть строго ограничены. А зачем свободному человеку целый рой законотворцев, не скажешь? С какого перепугу они пишут для людей свои законы и определяют, как им жить? Права человека даны ему от рождения, и никому не позволено эти права ограничивать.

– И как же быть? – я уже совсем запутался.

– Не позволяй собой манипулировать, – Макар наставительно поднял палец. – Руководствуйся только собственным выбором, а не кем-то придуманными вариантами. Никто не может тебя заставить сделать выбор, который тебе не по нутру, это будет нарушением закона свободы воли. А вот если ты соглашаешься играть по их правилам, потому что тебе лень разобраться и подумать хорошенько, то это будет толь-

ко твоя вина. У махинаторов ведь тоже есть права, например, право врать. Никто же тебя не принуждает им верить.

Некоторое время я молчал, переваривая откровения этого странного человека. Что-то в них несомненно было, но полностью согласиться с рассуждениями Макара я всё-таки не мог. Как-то всё это было слишком наивно. Современный социум просто не сможет функционировать, если все его члены начнут жить в соответствии с собственным выбором. В конце концов, развитая цивилизация вынуждена ограничивать права людей, иначе структура, на которой она построена, рассыплется как карточный домик. И тут мне в голову пришла одна крамольная мысль. А так ли уж нужна эта сложная конструкция для жизни простого человека? Что мы без толпы бюрократов не сможем прожить? Кстати, а какая общественная структура нужна лично мне для полноценной жизни? Над этим стоит поразмыслить.

– Странно, мне казалось, что современное общество сильно продвинулось по пути равноправия, – я даже не заметил, что уже начал рассуждать вслух. – По сравнению, например, с рабовладельческим строем, мы всё-таки ушли довольно далеко.

– Святая наивность, – хмыкнул Макар. – А знаешь, что лежит в основе практически всех конституций так называемых развитых стран? – вопрос прозвучал неожиданно и, как мне сначала показалось, не к месту. – Римское право. Да-да, то самое, которое когда-то регулировало отношения свободных

людей и рабов.

– С чего ты это взял? – возмутился я. – В нашей конституции ни о каких рабах нет ни слова.

– Ага, теперь их переименовали в граждан, – Макар снисходительно усмехнулся, – наверное, чтобы рабам было не так обидно. Признайся, ты ведь даже не читал текст, лень разбираться. Вот отсюда все беды.

– Граждане – это вовсе не рабы, – вскинулся я, – не передёргивай.

– Неужели? – Макар притворно удивился. – А знаешь, что в семнадцатой статье, пункт первый чёрным по-русски утверждается наличие двух видов субъектов: человека и гражданина. А в пункте два говорится, что по праву рождения все свободы имеет только человек, про гражданина там ни слова. Гражданин имеет право работать и получать за свой труд миску похлёбки, а вот результаты его труда ему не принадлежат, они принадлежат только человеку.

– Что за бред, – мне стало даже смешно, – какая миска похлёбки?

– Ах да, нынче даже миски похлёбки рабам уже не положено, – усмехнулся Макар, – теперь вознаграждением за труд являются просто циферки на компьютере его хозяина.

– Нет у нас никаких хозяев, – мне стало как-то не по себе, поэтому моё утверждение прозвучало уже не столь уверенно.

– Правда? – насмешник скептически поднял бровь. – А как же гражданство? Вот ты можешь совсем отказаться от

гражданства? Нет, не сменить, а просто перестать быть гражданином? Не можешь, на то специальные законы имеются. У каждого раба должен быть хозяин. Это только человек свободен по праву рождения.

– Можно подумать, что ты у нас весь из себя свободный, – хмыкнул я. – Ты ведь тоже, наверное, гражданин РФ.

– Не угадал, – Макар весело рассмеялся, – я и есть человек.

– Но паспорт-то у тебя имеется? – я попытался вывести вруна на чистую воду, но сразу обломался.

– А зачем человеку эта книжица? – фыркнул мой удивительный собеседник. – Я что, имени своего не знаю или возраста? Прописка мне тоже без надобности, свободный человек может жить, где захочет.

– Так ты поэтому на остров забурился, – догадался я. – Скрываешься от ментов?

– Ни от кого я не скрываюсь, – Макар недовольно поморщился, – просто мне тут нравится. А менты, как ты выразился, обо мне отлично знают.

– Неужели тебя никогда не арестовывали? – я искренне подивился наплевательскому отношению правоохранителей к своим непосредственным обязанностям.

– А как же, бывало, – Макар утвердительно кивнул, – вот только пару лет назад объявился тут один недалёкий мент. Кажется, его Виктором звали. Приехал развлекаться с компанией и по пьяни решил отправить меня в тюрьму.

– И что ты сделал? – от любопытства я заёрзал на стуле.

– Ничего, поехал с ним в посёлок,— пожал плечами Макар. – У меня как раз тогда мотор сдох, нужно было новый доставать, так что любезное предложение переправить меня через озеро оказалось очень кстати.

– Так ты сидел за бродяжничество? – сделал я скоропалительный вывод.

– Видишь ли, Лис,— хозяин Спаса снисходительно улыбнулся,— это только такие, как ты, ленивые не интересуются законами нашего мира. А юристам, тем более, судьям о них всё доподлинно известно. Не могут они покушаться на права свободного человека, им за это сделают очень больно.

– Кто сделает? – ошарашенно пробормотал я.

– Другие свободные люди,— Макар пожал плечами, словно это было и так очевидно. – Жаль, Виктор плохо учился в своей академии, пропускал, наверное, лекции. Вот и пострадал. Если бы он поступил таким образом с рабом, простите, гражданином, ничего бы ему не было, даже напротив, наградили бы за поимку беглого раба, а вот насилие над свободным человеком недопустимо.

– Его наказали?! – представить себе такое я просто не мог.

– Его выгнали из органов и посадили,— беспечно пояснил Макар. – Разумеется, всё обставили так, что я оказался ни при чём. Устроили ему какую-то подставу, видимо, он был честным ментом, за реальные преступления его прищучить не получалось. Жена его бросила, забрала детей и уехала куда-то, его дом сгорел, разумеется, случайно. Так что, когда

парень выйдет на свободу, придётся ему начинать жизнь заново. А ведь я его предупреждал. Не послушался, шалопай.

Вот тут-то всё и случилось. Судьба, спрятав ехидную усмешку, сделала свой ход. Если бы это произошло на следующий день или, наоборот, днём раньше, я бы ещё смог поверить в совпадение, но вот так подгадать можно было только специально. После слова «шалопай» дверь распахнулась, и на пороге появился здоровенный дядька в камуфляже и болотных сапогах. За его спиной маячили ещё два амбала в таком же прикиде. Все трое ввалились в комнату, и в ней сразу сделалось тесно.

– Здравствуй, Виктор, – радушно поприветствовал незваного гостя Макар. – Поздновато для пикников, не находишь? Надеюсь, вы добрались без приключений.

Первый дядька, который, видимо, и был тем самым ментом-неудачником, грубо выругался и сплюнул прямо на пол.

– Думаешь, всё так просто? – сквозь зубы процедил он. – Натравил на меня своих братков и залез обратно в свою нору. Решил, что я не просеку, кто за всем этим дерьмом стоит.

– Успокойся, Виктор, – миролюбиво улыбнулся Макар, – ты сам виноват, что меня не послушал. И никаких братков у меня нет, не возводи напраслину.

– А мне пофиг, кто за тобой стоит, – скривился Виктор. – Я тебя урою, тварь, ты мне всю жизнь поломал, – с этими словами разъярённый мститель решительно двинулся к нам.

Его дружки, заведённые праведным гневом пострадавшие

го мента, а также изрядной дозой алкоголя с энтузиазмом присоединились к своему предводителю. Мне совершенно не улыбалось оказаться между двумя враждующими сторонами, но ноги сами подняли моё тело и поставили его на пути отряда мстителей. Чудеса, да и только. От удивления Виктор слегка опешил и затормозил, видимо, в своём воинственном угаре он меня сначала даже не заметил.

– Тоже желаешь огрести? – сквозь зубы процедил он. – Это можно устроить.

Я смотрел на трёх здоровых мужиков, настроившихся подраться, и понимал, что да, огребу, причём неслабо. На моей стороне, правда, было несколько лет занятий дзюдо, к тому же парни были в изрядном подпитии, но, к сожалению, не настолько сильном, чтобы лишить их координации. Скорее, принятая доза всего лишь сняла тормоза с инстинкта самосохранения, что сделало их ещё более опасными.

– Чего ты с этим фраером церемонишься, Витёк? – подбодрил главаря стоящий справа парень, доставая из-за пояса охотничий нож.

Ситуация складывалась всё более отчаянная. Если в ход пойдёт оружие, то последствия могут быть самые непредсказуемые, разбитыми физиономиями дело может не ограничиться. И главное, никто ничего не узнает. Ну исчез куда-то Макар, так ведь он свободный человек, живёт, где хочет. А про какого-то заезжего пижона никто вообще не спросит. Предупреждали же его, чтобы на байдарке не совался в озе-

ро. Не послушался, кого ж теперь винить, видать, утоп, болезный. Аким с благодарностью судьбе продаст мой лексус и купит себе новый катер. На этом всё и закончится.

Пока эти безрадостные мысли вихрем проносились в моей голове, парень с ножом вынырнул из-за спины Виктора и двинулся на меня. Между нами было не больше трёх шагов. Я обречённо принял защитную стойку, понимая, что против ножа шансов у меня немного, а ещё меньше против трёх ножей. Однако парень успел сделать всего один шаг и вдруг замер, словно наткнулся на стену. Его лицо исказила судорога боли, в глазах появилось какое-то затравленное выражение. Внезапно он сложился пополам и вылетел из комнаты с такой скоростью, как будто за ним черти гнались. Двое его дружков в точности повторили тот же манёвр, и мы с Макаром остались одни.

– Что это было? – ошарашенно пробормотал я. – Что ты с ними сделал?

– Ничего страшного, – Макар небрежно махнул рукой. Во время этой сцены он даже не подумал подняться из-за стола, в его правой руке по-прежнему была кружка, из которой он продолжал прихлёбывать чай. – Небольшая чистка кишечника ещё никому не повредила.

– Ты вызвал у них диарею? – я невольно прыснул, хотя только что буквально прощался с жизнью. – А как же закон свободы воли? По-моему, это было насилие в чистом виде.

– Свободный человек имеет право защищаться, – назида-

тельно произнёс мудрый гуру. – Все эти басни про «подставь вторую щёку» придумали манипуляторы от авраамических религий. Вернее, придумали не они, но они извратили эту мудрую поговорку, обрезали конец, и она изменила свой смысл.

– А какой у неё конец? – поинтересовался я.

– Подставь левую щёку, если позволил ударить себя по правой, – процитировал Макар.

– Да, действительно смысл совсем иной, – я наконец расслабился после непредвиденного визита отряда мстителей. – А твои фанаты снова не полезут, когда оклемаются?

– А ты бы полез? – вопросом на вопрос ответил Макар.

Должен признать, урок для любителей гандикапа вышел весьма впечатляющим. Наверное, будь я на их месте, то сильно задумался бы, прежде чем сделать ещё одну попытку нападения. Макар даже не сподобился запереть дверь, настолько он был уверен в своих силах. Судя по всему, моё заступничество было ему совершенно без надобности, но он тактично не стал комментировать мой благородный порыв, и я был ему за это благодарен.

Мы ещё немного пообсуждали визит Виктора, а потом завалились спать, вернее, спать завалился Макар, а я никак не мог расслабиться. Нет, не потому, что совсем недавно собирался драться насмерть с тремя вооружёнными бугаями, как можно было бы предположить, просто в руках у этих бугаёв был мой билет в прежнюю жизнь. Они ведь не вплавь сю-

да добрались, значит, у них есть моторка, и в этой моторке вполне может оказаться место для одного городского неудачника.

Я только представил себе, как устраиваюсь со всеми удобствами на своём диване: правая рука ласкает компьютерную мышь, в левой – банка пива, рядом – миска с чипсами, а на коленях – ноут, и у меня комок подступил к горлу. Мне казалось, что я уже смирился с неизбежной зимовкой на острове в компании сумасшедшего мага, но внезапно вспыхнувшая надежда развеяла моё смирение, как пепел от костра. Я жаждал вернуться назад, и ещё одна встреча с бывшим ментом меня не пугала, у меня имелось достаточно средств, чтобы оплатить его лояльность.

Но что подумает Макар о моём дезертирстве? Бросить его одного, когда враг вышел на свободу и жаждет мести? И это после того, как он спас мне жизнь? Нет, такой поступок вряд ли можно счесть порядочным. Ведь в следующий раз этот бывший мент может притащить с собой компанию побольше, да и вооружиться чем-то поопаснее охотничьего ножа. Наверняка, у него где-нибудь припрятан ствол. Не знаю, чем я смогу помочь в такой ситуации, но сбежать сейчас, да ещё с помощью Виктора... Смогу ли я себе простить, если для Макара эта история закончится смертью? Но я же не собираюсь навсегда поселиться на Спасе, рано или поздно я должен буду вернуться домой. Так какая тогда разница, случится это сейчас или летом, когда появятся туристы?

— Лис, хватит рефлексировать,— внезапно раздался в темноте голос Макара,— ты мне ничего не должен, запомни это раз и навсегда. Я тебя не держу, уходи, если тебе так уж невозможно без привычных игрушек. Только дождись утра, боюсь, до середины ночи эти бедолаги будут недоговороспособны. Сами виноваты, жрут всякую дрянь, а ещё эта водка палёная. У них не организм, а помойка. Не трать время на глупости, выпишись нормально.

Не знаю, обрадовало ли меня разрешение хозяина Спаса, скорее, ещё сильнее раззадорило. В любом случае, облегчения я не почувствовал. А потому никак не смог последовать его рекомендации и выбросить из головы свои фрустрации. И, вместо того, чтобы заснуть, принялся записывать свои впечатления от прошедшего дня. Макар только снисходительно хмыкнул, типа, дуракам закон не писан, и отвернулся к стенке. А дурак так и не смог улечься в постель, пока ни закончил описывать этот день, видимо, мой последний день на острове Спас.

8 октября

Всё-таки это судьба. Те события, что заставили меня пуститься в путешествие, встреча с Макаром и появление бывшего мента, всё это были лёгкие прикосновения тонких и ловких пальчиков моей судьбы. Теперь я это точно знаю.

Утро после ночи терзаний наступило для меня поздно. Когда я наконец продрал глаза, солнце уже всю пригревало наш уютный остров. Макар куда-то слинял, оставив мне на завтрак миску гречневой каши, завернутую для сохранения тепла в полотенце. Первым делом я надел куртку и отправился к озеру умываться. Можно было бы, конечно, просто зачерпнуть озёрной воды из бочки, сам же и натаскал вчера, но мне почему-то захотелось спуститься на берег, полюбоваться, как играют солнечные блики на водной ряби. Это я так попытался себе объяснить свой порыв, а на самом деле меня подталкивала в спину хитрюга-судьба. Она пока таилась и старалась не выдать себя, но ехидная ухмылка уже тронула её губы, и в глазах вспыхнули азартные огоньки.

Я с удовольствием плескался в ледяной воде, когда моё внимание привлекло мерное тарахтение лодочного мотора. Из-за уступа обрывистого берега вынырнула моторка и на полных оборотах полетела в сторону посёлка. У меня буквально подогнулись коленки, наши незваные гости убралась восвояси, даже не простившись. А как же я? Я ведь собирал-

ся напроситься с ними. Выходит, я тупо проспал своё счастье. Нужно было попросить Макара, чтобы он разбудил меня на рассвете, или вообще не ложиться, всё равно я занимался писаниной практически всю ночь. Но кто же мог подумать, что Витёк с компанией сорвётся сразу после нашей интригующей встречи?

Я тупо разглядывал удаляющееся судёнышко, и ядовитая чёрная злоба медленно поднималась со дна моей души. Какого чёрта я послушался этого умника? Если бы сразу рванул за мужиками, может быть, сейчас я бы тоже сидел в этой моторке. Недоговороспособны они, видишь ли, были ночью. Чужь собачья. За хорошие деньги все делаются покладистыми и радушными. А теперь поздно локти кусать, уплыл мой счастливый билет в прежнюю жизнь.

На бак моторки из-под тента вылезла рыжеволосая девица и, увидев меня, приветливо помахала рукой. Я, естественно, запрыгал по берегу, что твой орангутанг, жестами изображая немую мольбу о помощи. Девица что-то крикнула в глубь катера, и на баке появился сам Витёк. Бросив презрительный взгляд на мои ужимки, он сделал известный знак средним пальцем правой руки и удалился обратно под тент. Да, похоже, Макар был прав насчёт уровня договороспособности этого бугая. Я демонстративно отвернулся от удаляющейся лодки и в сердцах пнул ногой какой-то камень. Тот отлетел метров на пять и остановился аккуратно у ног Макара. Лёгко на помине, советчик хренов.

– Прости, Лис,— хозяин Спаса смущённо потупился,— даже предположить не мог, что эти оболтусы так испугаются.

В первую секунду мне захотелось по инерции наорать на кающегося любителя бесплатных и бесполезных советов. По его милости я теперь застрял на острове до следующего лета. И тут вдруг я осознал, что больше не чувствую злости. Напротив, меня накрыла волна странного облегчения. Мне больше не нужно было выбирать между Макаром и моей привычной городской жизнью. Кто-то сделал этот выбор за меня, и я его принял, причём принял без возражений и даже с удовлетворением. Наверное, мне и самому хотелось остаться с этим удивительным человеком, но признаться себе в этом было непросто. Всё равно, как согласиться, что маленькому ребёнку требуется опека сильного и мудрого взрослого. От этих мыслей я и сам смутился не меньше Макара.

– Проехали,— пробурчал я себе под нос,— пойду позавтракаю, каша остынет.

– Ты бы после завтрака сходил на пляж,— попросил Макара,— проверь, не оставили ли эти ребята непотушенного костра. С них станется.

Я только молча кивнул и полез на холм. Кто бы мог подумать, что именно в эту минуту моя судьба плотоядно облизнулась и захлопнула дверцу мышеловки. А глупая мышка даже не сообразила, что угодила в ловушку. Впрочем, сообщать что-либо было уже поздно, сценарист поставил точку в последней фразе, и дирижёр взмахнул своей палочкой,

возвещаая начало представления. Фанфары, занавес.

Дорога на пляж шла вдоль западного берега острова. Тут не было скал и каменистых осыпей, просто приятная лесная тропинка, по которой прогуляться – одно удовольствие. Пляж – это самое популярное место у приезжих туристов. Там имеется всё, что нужно для полноценного пикника: мелкий белый песочек, рядом рощица, переходящая в поросшие высокой травой холмы. С озера постоянно дует ветерок, разгоняя комаров и гнус, под деревьями полно ровного места для палаток, в общем, туристический рай. Поэтому меня ничуть не удивило, что Макар послал меня именно на пляж. А где же ещё остановиться Витьку с компанией? Они ведь местные, про Спас знают всё досконально.

Когда я потерял надежду вернуться домой, то сразу успокоился, и настроение моё окрасилось радостными тонами. А чего я забыл в городе? Меня там никто не ждёт, Маринка сбежала, и даже работы у меня теперь нет. А рядом с Макаром мне, возможно, посчастливится прикоснуться к сакраментальным тайнам жизни, он ведь точно человек непростой, это сразу видно. Да, придётся заплатить за знания временным отсутствием бытовых удобств, но это пустяки, мне не привыкать. Да и Макар, похоже, ничего не имеет против моего общества. Так о чём грустить?

Осмотр пляжа принёс неожиданные результаты. Нет, костёр бывалые туристы затушить не забыли, тут всё было в порядке, зато они забыли кое-что другое. Среди пожелтев-

шей листвы прибрежной рощи тёмно-зелёным пятном выделялся тент палатки. Первый порыв любопытного дилетанта залезть внутрь быстро угас. А вдруг эти подонки подложили взрывчатку, чтобы зимовщики, наткнувшись на палатку, превратились в кучку окровавленных потрохов? Нет, тут спешка ни к чему, нужно сначала проверить все подступы к неожиданной находке на предмет неприятных сюрпризов.

Я сошёл с тропинки и, осторожно ступая по траве, начал приближаться к оставленной приманке. Первый звук донёлся до моих ушей, когда до зелёного брезентового домика осталось шагов десять. Естественно, я замер и прислушался, звуки были странные, но знакомые. Через несколько секунд мне удалось определить их природу, и мои глаза от удивления полезли на лоб. В палатке кто-то плакал, тихо всхлипывая и прерывая поток слёз невнятным бормотанием. Женщина? Но как она тут оказалась? Неужели эти уроды её бросили?

Больше я не медлил. Женские слёзы для меня хуже, чем даже царапанье металла по стеклу, я их совершенно не переношу. Стоило Маринке только сделать вид, что она готова заплакать, как я тут же сдавался и исполнял любые её капризы. Эта хитрюга очень хорошо знала моё слабое место и пользовалась своим знанием без всякого стеснения. Нет, я не в претензии, в конце концов, за свои слабости всегда приходится платить. Таков уж закон джунглей, в том числе каменных джунглей, в которых я обитал до недавнего времени.

Палатка не была застёгнута, я откинул полог и увидел свернувшуюся под спальником девушку, вернее, сначала я увидел только копну длинных кучерявых волос цвета тёмной бронзы. Кудряшки смешно прыгали в такт рыданиям и извивались на гладкой ткани спальника словно маленькие змейки. Девушка услышала шум моего вторжения и испуганно подскочила, повернувшись ко мне лицом. Из-под мокрых ресниц на меня уставились глаза глубокого фиалкового цвета. Или это просто в слезах отражался сиреневый спальник, а на самом деле глаза у девушки серые? Я сложил пальцы крестиком и взмолился, чтобы моё предположение насчёт спальника оказалось верным, потому что фиалковые глаза – это ещё одна моя слабость, если желаете, мой персональный криптонит.

Впервые мне пришлось пережить это откровение, когда в десятом классе к нам пришла новенькая девочка. Наверное, она была красивой, парни сразу принялись её обхаживать, но для меня все её прелести были вторичны, я на них и внимания-то не обратил. Главное, у этой красотки были фиалковые глаза, и я мгновенно влюбился без памяти. Она, понятное дело, меня даже не заметила, девочкам в этом возрасте нравятся парни постарше, а не ровесники. Но это тоже не имело для меня никакого значения, я сразу потонул в этом сиреновом омуте и даже мысли не допускал о том, чтобы попытаться вынырнуть. Помнится, я тогда вёл себя как малолетний придурок, караулил свою пассию у подъезда, стишки

сочинял про вечную любовь, даже подумывал о самоубийстве. Кто знает, чем бы закончилась для меня та история, я очнулся от наваждения, только когда девочку с фиалковыми глазами перевели в соседнюю школу. Считай, повезло, что она проучилась у нас всего полгода.

И вот это случилось снова. Встретившись взглядом с незнакомкой, я сразу понял, что пропал, из этого сиреневого плена мне уже не вырваться. Просто подняв ресницы, она превратила меня в своего покорного раба. Это мне ещё повезло, что девушка оказалась плаксой, покрасневшие глаза и распухший нос – не самое привлекательное зрелище. В качестве аутотренинга я представил себе, как эта малышка сейчас устроит истерику, как начнёт в панике метаться по палатке, и меня немного отпустило.

– Ну давай, милая, – мысленно подбодрил я свою неожиданную находку, – незнакомый мужик ввалился в твою палатку с неясными намерениями. Самое время разразиться безобразными воплями. Мне сразу полегчает.

Девушка похлопала мокрыми ресницами и доверчиво улыбнулась. Дальнейшее я помню смутно. Вроде бы я пытался её утешать, а она рассказывала, как рада, что на острове кто-то ещё есть. Я старался не смотреть ей в глаза, но получалось слабо, меня так и тянуло снова занырнуть в коварный сиреневый морок. Просто беспомощный кролик перед удавом. Когда я всё-таки сумел взять себя в руки, то обнаружил, что сворачиваю её палатку, чтобы отвести девушку в

дом Макара. И когда же я успел пригласить её в гости, причём без ведома хозяина дома? Я с отвращением представил себе, как из нормального уверенного в себе мужика постепенно превращаюсь в кусок глины, из которой наша незваная гостья начнёт лепить что ей вздумается, и меня замутило.

Ну отчего мне так не везёт? Ясно ведь, какого сорта девица могла оказаться в компании бывшего мента и его друзей. Такая ни перед чем не остановится, начнёт вить из меня верёвки, как только раскусит точку моей уязвимости. Правда, внешне девушка вовсе не выглядела шлюхой, скромненькая, аккуратная, никакой развязности в словах и манерах. Даже странно, что она смогла заинтересовать охочего до водки и драк Витька со товарищи. Звали её Ника. Видимо, полное имя звучало как Вероника, но она представилась с такой забавной серьёзностью, что я не посмел уточнять. Ника, так Ника, какая мне разница.

– Как же они могли тебя тут забыть? – наконец сподобился спросить добровольный спасатель юных дев, когда уже взвалил на свои плечи пожитки пострадавшей.

– Они меня не забыли, – Ника смущённо улыбнулась, – я сама от них спряталась.

История девушки с фиалковыми глазами оказалась банальной и в то же время драматичной, и эта история отлично объяснила её присутствие в компании отморожков. Ника жила в Питере с матерью и приехала в посёлок на похороны деда. После похорон её двоюродный брат Толик, унаследовав-

ший дом деда, заявил, что поминки состоятся не в посёлке, где покойника за буйный нрав ненавидели и побаивались все жители, а в тихой интимной обстановке на острове Спас. Нике даже в голову не пришло усомниться в искренности брата. Она согласилась поехать, и только когда они причалили к пляжу, до неё начала доходить истинная цель поездки. Никаких гостей там не было, только трое парней, две их тёлки и она, третья. Вовсе не собирались они устраивать поминки, просто захотелось отметить нехилое наследство Толика.

Очень быстро выяснилось, что Нику брат пригласил не просто так, а для своего дружка Витька, недвусмысленные намёки начались буквально сразу по прибытии на Спас. Но поначалу всё было похоже на игру, просто лёгкий, ни к чему не обязывающий флирт, и девушка немного успокоилась. Вечером ребята крепко выпили и отправились бить кому-то морду. Девицы принялись сплетничать, а Ника отправилась прогуляться. Всего лишь через час она увидела, как мужики возвращаются в лагерь, причём на победителей они были совсем непохожи. Оказалось, что у всех троих приключилось сильное отравление, видимо, водка была палёная.

Полночи непутёвые воители промаялись животами, от их ругани и проклятий в адрес какого-то колдуна, казалось, завяли все кусты в округе, а потом недомогание вдруг резко прошло, словно и не было никакого отравления. Поначалу Ника даже обрадовалась, а то уже не знала куда деваться от трёхэтажного мата, но оказалось, что её оптимизм был со-

вершенно неуместен. Толик и его дружок Серёга тут же уединились с двумя девицами в своих палатках, а Витёк полез к Нике, теперь уже в наглуую, без заигрываний и намёков. Хорошо, что она вовремя сообразила, к чему дело идёт, и сбегала, прикинувшись, что ей нужно отойти в кусты.

Всю ночь девушка пряталась в роще, слушая разъярённые вопли обломавшегося ухажёра, а наутро все собрались и отчалили. Да, её звали, но Ника побоялась вернуться, хотела дожидаться, пока Витёк слегка остынет. Ей даже в голову не могло прийти, что брат бросит её одну на острове, но когда увидела палатку, сразу поняла, что это не шутка, они действительно уплыли. Естественно, я тут же высказал всё, что думаю про её брата. Это каким же нужно быть подонком, чтобы вот так, подленько подложить свою сестру под бывшего зека, а потом бросить её погибать на необитаемом острове.

– Толик за мной вернётся, – неуверенно пробормотала Ника. – Он очень изменился после того, как попал в тюрьму, я его даже не сразу узнала, мы ведь не виделись больше десяти лет. Он, наверное, просто решил меня попугать.

Мне сразу сделалось понятно, каким образом Виктор сколотил свою банду. Похоже, вся троица познакомилась во время отсидки. Весьма показательно, недаром они сразу схватились за ножи, видать, в тюрьме сильно подрастеряли уважение к человеческой жизни. Нужно быть с ними впредь вдвойне осторожным. А в том, что Виктор не остановится на

одной неудачной попытке, сомневаться не приходится. Му-
жик, похоже, совсем без тормозов.

– Ника, твой Толик совершил уголовно наказуемое преступление, – попытался я вразумить наивную барышню. – С чего ему тебя вызволять? Ты ведь запросто можешь отправить его обратно на нары. К тому же он знает, что на острове живут люди. Это же они в наш с Макаром дом вчера завалились.

– Они на вас напали? – сиреневые глаза потемнели и сделались почти фиолетовыми. У меня тут же перехватило дыхание, и сердце пропустило пару тактов. – Это они тебя называли колдуном?

– Нет, это они про Макара, – я остро пожалел, что не обладаю способностями моего странного гуру. Безумно захотелось похвастаться, но врать было глупо. – Не бойся, никакой он не колдун, просто много знает и умеет.

Ника кивнула и доверчиво взяла меня за руку. Тепло её ладошки странным образом распространилось по всему моему телу, словно меня подключили к нагревателю, пришлось даже расстегнуть куртку. Мы побрели по тропинке к дому Макара. Торопиться не хотелось, а хотелось, наоборот, остановиться и замереть в расслабленном созерцании завораживающего танца солнечных бликов на озёрной ряби. Что мы и делали чуть ли не на каждом шагу, тем более, что сухие стебли травы на тропинке шуршали так жалобно, что жаль было наступать на них ботинками. Плотное белоснежное облако,

похожее на рыбу, плыло над нашими головами как воздушный шарик на верёвочке, и вроде бы даже тормозило, когда мы останавливались полюбоваться местными красотами.

— Так, ты, парень, уже увяз в этом сиреневом мороке по самую макушку,— обречённо констатировал я во время очередной остановки,— и это только начало. Может быть, тебе повезёт, и братец Толик всё-таки заберёт свою ненаглядную сестричку? Я бы, кстати, тоже не отказался воспользоваться услугами доставки на большую землю.

А сестричка уже забыла про свои недавние рыдания и весело щебетала что-то про свою жизнь в Питере, про друзей и про местные красоты. Ей тут явно нравилось, и никакого расстройства по поводу вынужденного расставания с привычной городской обстановкой она не испытывала. В отличие от меня.

— Это ты ещё не представляешь наших ненавязчивых удобств,— злорадно подумал я, и меня тут же пробил холодный пот. — А как мы будем ночевать втроём в одной комнате?

Нет, в гостеприимстве Макара я не сомневался, там в сенях даже ещё один топчан имеется, со спальными местами проблем нет. Но как я смогу заснуть, когда совсем рядом будет находиться это чудо с фиалковыми глазками? Даже если эти глазки будут закрыты, мне всё равно не уснуть. Долго ли я протяну с бессонными ночами? Вот ведь засада. Я обречённо побрёл дальше, а моя легкомысленная спутница даже не заметила перемены в моём настроении. Её всё радовало:

и солнышко, и облака, и плавный полёт жёлтых листочков, похожих на бабочек. Ей не терпелось увидеть наш дом, наконец, представляла себе царские хоромы.

Крышу, крытую дранкой, Ника заметила издалека и чуть не запрыгала от радости. Убогое жилище её ничуть не расстроило, наоборот, её восторг буквально окутал нас невесомым облаком. Даже у меня настроение немного поднялось. А вот Макар, вопреки моим ожиданиям, встретил нашу гостью без всякого энтузиазма. Как только он её увидел, его лицо помрачнело, в глазах появилось какое-то затравленное выражение. Раньше я такого Макара никогда не видел, он всегда был на редкость спокойным, даже, как бы поточнее выразиться, благостным, что ли. А тут словно увидел свою смерть.

– Этой девушке здесь не место,– угрюмо пробурчал он, когда Ника отправилась на берег умыться.

В целом, я был с ним солидарен, впрочем, с некоторой поправкой. Мне тоже тут не место. Или я не прав? Может быть, это во мне говорит привычка к комфорту и бессмысленному общению с незнакомцами в сети? Вот я прожил на острове десять дней, и ничего, не помер без гаджетов. Но несколько месяцев...

– Она верит, что брат за ней вернётся,– миролюбиво произнёс я. – Он, похоже, ещё тот урод, но брат же всё-таки.

– Ты тоже уедешь? – Макар поднял на меня взгляд, и я онемел от выражения его глаз. В них было столько боли, даже

тоски.

Неужели я ему нужен? А мне ведь показалось вначале, что он рассматривает меня как обузу, неизбежное зло. Мол, спас беспомощного придурка на свою голову, и придётся теперь терпеть его общество. А оказывается, моему загадочному гуру всё-таки требуется собеседник. Вот это новость. Наверное, на моём лице было написано откровенное недоумение, потому что Макар смутился и быстро отвернулся.

– Тогда неважно, где это случится, – бросил он загадочную фразу и ушёл в дом.

Ну и что это было? Что должно случиться? И главное, с кем? И тут меня буквально током пробило. Неужели Макар может видеть будущее? Он знает про Нику что-то такое, от чего его настроение ушло в крутое пике, но, похоже, делиться со мной категорически не собирается. Нет, так дело не пойдёт, заинтриговал и свалил, типа, помри от любопытства. Я последовал за беспардонным хозяином Спаса, полный решимости выпытать у него все его секреты, если придётся, то и силой. Отчего-то всё, что касалось Ники, представлялось мне чрезвычайно важным. Макар встретил меня своей фирменной полуулыбкой с налётом доброй отеческой снисходительности, от прежнего отчаяния не осталось и следа.

– Я ничего не могу тебе рассказать, Лис, – ответил он на мой невысказанный вопрос, – очень хочу, но не могу. Я дал обещание самому близкому человеку, и моё слово нерушимо. Так что даже не пытайся, ничего не выйдет. Пусть всё

идёт своим чередом, уже ничего не изменить.

Да, что называется, срезал на взлёте. Я сразу понял, что допытываться бесполезно, не расскажет, придётся до всего доходить самому. Ничего, разберусь. Тоже мне, тайны Мадридского двора. Слово он дал, видите ли. Интересно, а какое отношение этот его близкий человек имеет к Нике? Может быть, это тот самый дед, который недавно помер?

Мои размышления были прерваны появлением улыбающейся виновницы переполоха. Девушка осторожно отворила дверь, и наша убогая хижина словно наполнилась мягким уютным светом. Я слегка завис, наслаждаясь лёгким порханием сиреневого облака. Макар посмотрел на меня, как на убогого, и толкнул в плечо, чтобы привести в чувство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.